

ПРОРЫВ

№ 79

(№ 3 2024)

НОЯБРЬ 2024

**ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

читайте

В ЭТОМ НОМЕРЕ

В. Подгузов

ПОЛЕМИКА
КАК ПРОДУКТ
СЛАБОГО
УСВОЕНИЯ
МАРКСИЗМА
с. 2 – 12

Бронислав

О ЯВКЕ
ЛЕНИНА
НА СУД
с. 13 – 23

А. Редин

О ЗАБАСТОВКЕ
РАБОЧИХ
«БОИНГА»
с. 24-27

Н. Федотов

РЕАБИЛИТАЦИЯ
Диалектика права
с. 28-53

Е. Иванов

БРЕЖНЕВСКИЙ
«ЗАСТОЙ» — ЭТО
АНТИСОВЕТСКИЙ
МИФ
с. 54-55

ПОЛИТИКА

Полемика как продукт слабого усвоения марксизма

По поводу одной открытой полемики прорывистов в ВК

Валерий ПОДГУЗОВ

Несколько месяцев в «ВК» периодическими всплесками шла эмоциональная полемика, «спровоцированная», как пишут её наиболее заинтересованные участники, неким неопытным прорывистом, обвинившим нескольких «старших товарищей», сторожил «Прорыва», в оппортунизме. С одной стороны, великолепно, что слово «оппортунист» воспринимается всеми сторонами как непростительное оскорбление, но плохо, что в полемике много времени и места, особенно, со стороны «обиженных», занимали эмоции, а иногда и попытки переключить разговор с принципиальных вопросов на личностные или взять оппонента на «слабо». Может показаться, что на фоне «назревающей» очередной мировой войны, вопрос о «задачах коммунистов» является мелким пустяком. Но не будет преувеличением, если сказать, что ведущая ныне война стран НАТО, Украины и Израиля против России, арабских стран и Ирана и есть одно из важнейших следствий крушения КПСС под грузом нерешенных «мелких» внутривнутрипартийных задач, прежде всего, проигранной борьбы с внутренним оппортунизмом в сознании большинства членов КПСС, даже тех, кто готов был умереть за Советскую Родину в боях, в труде, на ликвидации последствий диверсии США на Чернобыльской АЭС, при выполнении интернационального долга в Афганистане, но к изучению теории марксизма-ленинизма относились «спустя рукава».

Однако прежде, чем погрузиться в анализ частностей этой «мелкой» полемики, чуть не ополовинившей редакцию Прорыва, необходимо напомнить нынешним и будущим прорывистам о наибо-

лее общих положениях, с учётом которых и впредь будет строиться работа главного редактора журнала «Прорыв».

Слегка перефразируя слова Маркса, можно сказать, что субъективно понятые мною положения диалектики, это такие цепи, на которых я сижу своеобразным цербером [скорее «котом ученым» - прим. зам.главреда Петровой О.Б.], обеспечив в течение 22 лет устойчивое направление научно-теоретического развития и предсказуемое влияние журнала на сознание людей, склонных к добросовестному мышлению. Каждый случай, когда в силу тех или иных объективных причин и личных просчётов, «мягкотелости», мне не удаётся оперативно предвосхитить события, приходится задним числом выступать в роли бригады «сантехников» или «пожарников», теряя время и кадры, подававшие некогда надежды. А поскольку в научно-теоретической форме классовой борьбы нет места компромиссам, постольку в работе с авторами главному редактору придётся и дальше исходить из следующих рассуждений.

Как правило, продолжительная, открытая полемика возникает на почве нерешенных проблем, там и тогда, где и когда её участникам не хватает фундаментальных знаний по поднятому вопросу и, потому, ни один из участников полемики не является авторитетом для других. Полемика – визитная карточка некомпетентности.

Достаточно обратить внимание на тот факт, что нет такого либерала или демократа, которые не превозносил бы полемику в качестве важнейшей ценности, признака высокой цивилизованности,

чтобы усомниться в применимости этой формы обмена информацией для «решения» проблем строительства, партии научного централизма и самого коммунизма.

Детище демократии, либерализма - НЕНАУЧНАЯ полемика, всегда ведёт к расколу в политических партиях, в нациях, в конфессиях, в коллективах, способствуя поджигателям войн - крупным частным собственникам.

Каждый человек имеет собственное мнение, но, до поры до времени, не оглашает причину, по которой он, будучи несогласным с политикой, проводимой руководством, остаётся в составе партии, редакции и т.п. Частенько, сами «несогласные» понимают, что они инициировали полемику не ради высоких научных целей, и с ними будут полемизировать только до тех пор, пока они входят в «обойму» организации, что за пределами организации полемика перерастает в борьбу науки с идеологией. Продолжительность полемики, как правило, пропорциональна степени некомпетентности большинства её участников. Недостаточно компетентные участники полемики, обычно, компенсируют слабость своей позиции эмоциями и спекуляциями. В силу тормозящего характера и высокой хронометрической «цены» полемики, её негативной роли для практики, марксист обязан выиграть её и, тем самым, прекратить бессмысленный спор, или вообще не тратить время на субъектов, которые все сами понимают или ничего не понимают, но идут на поводу своего склочного, скандального характера, возможно, отрабатывают оплаченный заказ, являясь убежденными анти-марксистами в «марксистской» шкуре.

Носители обыденного сознания не имеют других возможностей, будучи членами одной организации, кроме как вступить между собой в полемику, каждый раз, когда сталкиваются с масштабной, острой, сложной, динамичной, многофакторной проблемой важной для носителей классовых интересов. Не владея научной методологией, мастерством доказательного изложения спорщики обычно приходят в ярость, нарастающую ненависть друг к другу, апеллируя к установлению «истины» голосованием, организуя «подковерную возню» ради формирования спекулятивного большинства на своей стороне.

Чем выше уровень компетентности, в том числе, узких, но всё-таки специалистов, тем короче хронометраж движения к истине, тем чаще служебные совещания специализированных экспертов приводят к интеграции их выводов и предложений, не давая обмену знаниями перерасти в безрезультатную полемику невежд. Но в

современном классовом обществе, поскольку усилия наёмных менеджеров направлены на обслуживание интересов безграмотных «акул» финансового капитала, «мозговые атаки» советов директоров могут увенчаться открытием только той «истины», что «чёрный день», цепь банкротств и кризис на основе принятых ими паллиативных холловских решений - неизбежны.

Марксизм же является тем историческим достижением в развитии мировой науки, после которого заканчивается предыстория недочеловечества, история тираний под видом демократий, атомизированных частной собственностью, мистическими бреднями и начинается подлинная история Человечества Компетентного. Разрушительная кооперация высшей стадии капитализма, в виде поглощений слабых финансовых императоров, со всеми их рабами сильными финансовыми императорами, идущая через кризисы, торговые и мировые войны, экологические и демографические катастрофы, готовит все необходимые материальные предпосылки для начала научно обоснованной кооперации, старта бесконфликтной истории каждого Человека и высшей степени созидательной и сознательной кооперации всего Человечества.

Таким образом, полемика, будучи внешним выражением неравенства интеллектуального развития и образованности людей, по причине своего возникновения является продуктом частной собственности, имущественного неравенства индивидов, поскольку именно этим обстоятельством и вызван контраст в уровнях образованности, дипломированности, в умственном развитии индивидов. Именно это субъективное, надстроечное следствие отношений частной собственности между людьми и является поводом для возникновения практически всех случаев столкновения личных мнений всех масштабов на протяжении всей истории человечества до победы полного коммунизма, синонимом которого и является **научно организованное общество**, прежде всего, научный его централизм. А поскольку разрыв между богатством одного класса людей и бедностью другого класса постоянно растёт (в связи с накоплением средств производства в руках численно сокращающегося слоя олигархов), постольку происходит и всё больший разрыв в величине умственного потенциала сотен миллионов поклонников бейсбола, рэпа и разрушительной интеллектуальной мощью мизантропов из списка журнала Форбс и их холопов - оппортунистов, прежде всего лауреатов нобелевской премии: экономистов, «физиков»-эйнштейнманцев и поджигателей войн, получивших нобелевскую премию мира.

Не будет капитализма с его формами эгоистических отношений между людьми по поводу воспроизводства условий материальной жизни, не будет и соглашателей с ним, не будет заведомо антинаучных проплаченных полемик. При капитализме конкурентность в базисе делает большой редкостью миролюбивые отношения между людьми и в политической надстройке, и в партийной жизни, и в быту. Не только политические партии объединяются вокруг довольно жестких и карающих уставов, но даже влюблённые при капитализме заключают бескомпромиссные брачные контракты и, в случае нарушения его пунктов, судятся как заклятые враги. Поэтому, пока существует буржуазия, до тех пор позиция ВСЕХ членов общества, в том числе, интуитивных марксистов, неизбежно будет страдать конфликтностью.

Вольное или невольное, по незнанию ли, по злumu ли умыслу, но всякое торможение в усвоении марксизма сопровождается движением его носителей к оппортунизму. Горе той левой партии и неизбежное поражение, если она, как КПСС, не позаботилась об уровне марксистской подготовки, прежде своего, руководства партии, армии учителей, журналистов, публицистов, беллетристов, режиссёров и не обнаруживает связи между слабыми знаниями марксизма и сильными позициями оппортунизма, мелкой буржуазности в общественном сознании партийцев.

В немарксистских средах в полемике сталкиваются личные мнения, интересы, характеры, темперамент, страсти и деньги, но только не знания объективных законов. В рыночном обществе, как правило, соотношение финансовых сил и предопределяет итоги полемики, вплоть до оплаты дискуссий между кандидатами в президенты рыночных стран, заказных убийств, мировых войн, ради выяснения вопроса, кто из олигархов будет иметь весь мир. Строго говоря, обмен информацией марксиста с кем бы то ни было, уже не является полемикой. Как бы ни витийствовал оппонент, его общение с марксистом равно уроку в школе, когда безусловно компетентный учитель убеждает учащихся в логичности операции, например, сложения. Строго говоря, все партийные съезды эпохи Ленина и Сталина были формой учебы, когда гении преподавали урок делегатам в деле распознавания идейных и политических диверсий троцкистов. Как говорил Маяковский: *«Бился об Ленина тёмный класс, и тёк от него в просветленьи»*. Но пока в обществе очень мало знатоков аутентичного марксизма, объективно уродливое общественное бытие будет определять, т.е. уродовать сознание большинства людей.

Важно понимать, что до появления марксизма, т.е. научного обществоведения, все участники полемики находились на антинаучных позициях разной степени невежества, и потому практические общественные проблемы решались соотношением сил. Это ещё больше укрепляло оппонентов в той вере, что если «сила есть - ума не надо». На этой основе происходили и происходят все религиозные, торговые, националистические войны. Это обстоятельство особенно ярко проявляло себя в исторической «полемике» между представителями естественных наук и религий, политических партий эпохи рабовладения, феодализма, капитализма и даже между строителями первой, примитивной фазы коммунизма, принадлежащих, казалось бы, к марксистской партии. Но марксизм большинства членов КПСС был глубоко формальным.

В безусловно марксистской среде полемика возникнуть не может по определению, как не может возникнуть полемики среди знатоков, например, планиметрии Евклида или механики Ньютона по поводу планиметрии и механики. Если при обмене мнениями возникает интеллектуальная кооперация, появляется новое комплексное знание, значит здесь господствует научный уровень сознания. Если обмен информацией происходит в виде длительной и бесплодной перепалки, т.е. полемики, значит, имеет место процесс бездоказательного отрицания противоположного мнения, не менее бездоказательным, и потому, нет оснований утверждать, что в разговоре участвуют состоявшиеся марксисты.

Марксист тот, кто не полемизирует бесконечно с оппонентом, а уничтожает его и научно-теоретически, и организационно в глазах добросовестного слушателя, зрителя или читателя. Образно говоря, только марксист в столкновении с демократом, либералом, националистом, клерикалом всегда окажется победителем, и массы пойдут, в конечном итоге, за ним. Если этого не произошло сегодня, значит назвавший себя марксистом, ещё до этого уровня научности не дорос. Поэтому ближе к затуханию упомянутой вначале статьи, долгой полемики между прорывистами, я и вынужден был заявить, что, пока, назвать современных левых и, даже некоторых прорывистов – безукоризненными марксистами, в том числе и меня, оснований не очень много, поскольку мои попытки остановить своими доводами полемику, не увенчались быстрым успехом. Но у главного редактора издания, помимо обязанности громить доводы оппортунистов логически, есть возможность прекратить полемику административными мерами, ради выполнения планов редакции. Что и было сделано.

Невозможно ошибиться: все современные организации с коммунистическими названиями, зарегистрированные и самопровозглашенные на территории бывшего СССР за последние 30 лет, не смогли стать авангардом пролетарского класса. Причина в том, что большинство современных левых, даже начитанных, не поняли «Краткий курс (ПОБЕДНОГО ЭТАПА) истории ВКП(б)». Современные партийные руководители демократическим голосованием извлечённые из недр левых сред, как показала практика, не имеют необходимого научно-теоретического и организационного потенциала, каким обладали руководители РКП(б)-ВКП(б) времён Ленина и Сталина. Современные молодые левые впервые столкнулись с научно-теоретическими и организационными проблемами строительства марксистской партии и, не решив их научно-теоретически, безвылазно топчутся в кретинизме парламентаризма и акционизма. Строго говоря, и большинство современных активистов «Прорыва», признавшие принцип централизма в качестве отправного пункта на пути к стратегическому успеху, имея жгучее желание **поскорее** создать партию, резко увеличить **количество** пропагандистских материалов, не знают точно, как всё это делается на практике.

Современными левыми осталось непонятым, что Ленин и Сталин, стали руководителями победоносной партии потому, что были носителями аутентичного и творчески развитого ими марксизма, а не должниками большинства, проголосовавшего за них на съездах партии. В эпоху РКП(б)-ВКП(б) демократические процедуры были лишь формой для превращения научно-теоретических разработок Ленина и Сталина в фактические «технологические» и «дорожные карты», понятные большинству делегатов съездов партии.

Каждый активист, возложивший на себя звание коммуниста, должен понимать, что он лично отведая «прелестей» капитализма, ни мало, ни много, претендует на звание продолжателя многотрудного дела Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина по очеловечиванию миллиардов пролетариев умственного и физического труда, обманутых избирателей, дольщиков, пайщиков, вкладчиков, гастарбайтеров, курьеров, жертв телефонных мошенников... в условиях тирании эгоистов. Многие так и не поняли, что решение этих задач требует наличия кадров, владеющих марксизмом-ленинизмом даже в более широком диапазоне, чем им владели Ленин и Сталин. Научный централизм неосуществим, а следовательно, и победы недостижимы, если новое поколение коммунистов не поставит перед собой за-

дачу дорасти до научно-теоретического уровня классиков и без лени, робости, ложной скромности продолжить процесс открытия и пропаганды объективных законов общественного прогресса. Где и когда марксизм не господствует в сознании людей, там и тогда царят нацизм, религиозное мракобесие, войны, экологические и демографические катастрофы.

С диаматической точки зрения ясно, что в одночасье все, назвавшие себя левыми, не смогут стать теоретиками ленинского уровня, пока не овладеют теорией марксизма-ленинизма в трёх его составных частях и не разовьют их. Но лица, освоившие азы марксизма самостоятельно, объединившись в редколлегии на местах, способны начать «ковать» кадры для будущего Центрального Органа Партии Научного Централизма.

Не всё и не у всех это получится сразу. Объективный закон неравномерности развития людей при капитализме, неизбежно выдвинет на передний план одну или несколько личностей, одну из редакций, которая и явится прообразом будущего ЦО. Здесь-то и проявится подлинная готовность начинающих левых или к бессмысленному соперничеству за «портфель», или к коммунистической консолидации вокруг наметившегося успеха в деле учебы, исследований, пропаганды и организации. Успех каждого в действительном овладении марксизмом, его методологией и есть важнейшее условие победы над оппортунизмом в каждом человеке. Поэтому каждый начинающий сторонник теории НЦ должен упорно заниматься самообразованием и адекватной самооценкой своих достижений и как ученика, и как теоретика, и как практика, уходя от формализма, не забегая в этом вопросе вперёд, продолжая упорно «грызть гранит науки», без истерики и паники, не оглядываясь на потраченные годы, реагируя на реакции читателей и редактора, борясь за то, чтобы его публикации были однозначно поняты читателями. А в редакционном портфеле «Прорыва» как раз не достаёт статей начинающих прорывистов по поводу освоения ими конкретных высот марксизма, прежде всего, «Капитала».

В научно-теоретической форме классовой борьбы недостаточно заниматься изучением марксизма в отрыве от процессов, идущих сегодня в общественном сознании. В этой форме борьбы нет места для компромиссов, во-первых, потому, что идеологи и практики всех форм рабовладения и колониализма: демократы, клерикалы, феодалы, капиталисты, либералы, нацисты, на протяжении всей истории, не оставляли выбора носителям научного мировоззрения: «Если вы убежде-

ны, что Земля шарообразна, да ещё вращается вокруг Солнца, то извольте, сударь, проследовать на костёр. Если вы поняли, что материя первична, а сознание вторично, что капитализм подготовил все материальные предпосылки для становления коммунистических отношений между людьми, то извольте проследовать в застенки жандармерии, гестапо, ФБР, на электрический стул, или к вам уже идёт наёмный убийца». Поэтому сегодня миллиарды практичных людей умственного и физического труда предпочитают, как всякие «премудрые пескари», находиться на «безопасных» антинаучных позициях в мировоззренческих вопросах.

Во-вторых, истина одна, и всякое примирение с иными мнениями есть разновидность заведомого оппортунизма.

Опыт загнивания КПСС обязывает редактора исключить попадание не только антинаучного материала на страницы курируемого им издания, но и дежурных, лозунгоподобных, сырых статей, писанных ради «галочки». Каждый случай компанейского, терпимого отношения лица, ответственного за позицию издания, к содержанию публикаций и является поощрением оппортунизма. Степень ответственности материалов критериям научного централизма в современных условиях, нравится это кому-нибудь или нет, определяется главным редактором или лицом, инициативно возложившим на себя аналогичные обязанности в любом из филиалов «Прорыва». Категоричность позиции позволяет и самому редактору проверить... свой уровень научно-теоретической состоятельности, авторитетности. Если автор докажет свою правоту на практике, тем самым посрамит редактора, то редакция обязана сделать выводы, в том числе, организационные. Всё, что оценивается редактором в присланном тексте как ошибочное, не доказанное ЛОГИЧЕСКИ, не связанное с построением общества всеобщего счастья и научно обоснованной гармонии, т.е. коммунизма, должно быть подвергнуто строгой доказательной критике. Идеальным является такой уровень развития общества, когда каждый половозрелый субъект сможет отличить научное от оппортунистического, истинное от ложного. Только такими и могут быть люди, успешно строящие коммунистическое общество.

В теории и практике научного централизма нет места для слов «кажется», «верю», «дове-ряю». «Не верю», «знаю точно», «доказано», «ещё не изучил в полной мере» - исходная форма отношения прорывиста к информации, независимо от отношения к личности её автора. Не лишне ещё раз напомнить, что материалы, публикуемые в изданиях, вставших на позиции НЦ, могут принести поль-

зу читателю только в том случае, если автор демонстрирует метод, которым он ведёт читателя к доказательству, к выводам. Современным идейным спекулянтам для «доказательства» достаточно как одного «факта», так и фейка. Принцип НЦ требует от автора установления причинно-следственных связей между множеством последовательно свершившихся фактов на протяжении всей истории. Необходимо, чтобы автор доказал читателю, что каждый единичный факт, с научной точки зрения, должен быть истолкован как «звено» в цепи фактов, поскольку только из такой системы доказательств вытекает очередной научно-состоятельный прогноз и план на стратегическую ПОБЕДУ.

Индивиды, рождённые и воспитанные капитализмом и даже первой низшей фазой коммунизма (в простонародье, социализмом), как правило, за небольшим исключением, характеризуются односторонней дипломированностью, иногда глубокой, но узкой специализацией, чаще поверхностной образованностью и, потому, политической непоследовательностью, большим влиянием на их поведение эмоций, моды, инстинктов, стадности, разрушительных пороков. Поэтому нельзя надеяться на быстрое и однозначно поступательное формирование единого духа, синхронности реакций большинства «детей» современной эпохи, впервые начавших приобщаться к марксизму, тем более, при резкой смене внешней и внутренней обстановки, при господстве «фейков» в информационном пространстве и провокаций буржуазных идеологов. Если бы было иначе, то перестройка не извлекла бы из затхлых углов массового сознания советских людей, в том числе, членов КПСС, бытовой национализм, кашпировщину, религиозный фанатизм, нацизм, доверчивость миллионов жертв телефонных мошенников, обманутых дольщиков, пайщиков, вкладчиков, банкротов, гастарбайтеров, алкоголиков и самоубийц.

В ленинские и сталинские стремительные времена первыми, лежащими на поверхности, методами решения кадрового вопроса были или массовые призывы, прежде всего, пролетариев к вступлению в ленинскую партию или, массовые же, партийные чистки. Как показала практика, эти меры обеспечивали победу последовательных марксистов над оппортунистами в условиях, когда враги коммунизма обнаруживали себя открытой активной фракционностью, тем более, вооруженной борьбой. **В современных условиях прорывисты вооруженные знанием основных причин крушения КПСС и СССР обязаны выработать и проверить на практике систему мер, исключаящую попадание в руководящие органы партии, прежде всего,**

некомпетентных лиц. В кадровой политике должно иметь место господство конкретных, персональных, оперативных и адресных мер, организационных реакций, в том числе и превентивного характера при решении вопросов о кадрах партии, тем более, о её руководстве.

О ПРИНЦИПАЛЬНОСТИ В ПАРТИЙНОЙ ЖИЗНИ

Почти год тому назад, как обычно, знакомясь с материалами, опубликованными в филиалах «Прорыва», в том числе, и под кураторством Огиенко, я наткнулся на статью о «задачах коммунистов», подписанную неким Алейниковым¹. Поскольку статья содержала массу грубых ошибочных положений, которые многие читатели (за громкой левой фразой) могли и не заметить, а переучивать труднее, чем учить, постольку я сразу же разместил под этой заметкой отклик, в котором кратко, дипломатично, но отрицательно отозвался об этом материале. Была небольшая надежда, что автор и куратор сделают выводы и затраты времени и нервов на полемику будут минимальными. Но мои опасения подтвердились. Первым на мою критику отозвался не Алейников, а И.Иванов, причем раздраженно, многословно, легковесно и хамовито. Возникло убеждение, что Иван Иванов и есть обиженный автор этой заметки. Пришлось в открытом интернете потратить много часов на переписку с ним, разясняя, что сформулированные им положения статьи непросто противоречат науке. По ходу обмена мнениями мне стало очевидно, что Иван Иванов по степени «овладения» марксизмом стоит ближе к пикейным жилетам, чем к прорывистам. К полемике подключился Огиенко. Из суммы его сообщений постепенно стало ясно, что автор – пожилой человек, некогда крупный начальник, и стоит пощадить его здоровье и самолюбие. Огиенко предложил закончить начатую полемику беспринципным удалением заметки Иванова из «Прорывиста». Но, немного «посыпав голову пеплом», Огиенко «проконсультировался» у своих «старших товарищей», Быстрова и Шевцова, и сообщил мне, что те сочли мои претензии не обоснованными. Т.е. со стороны Огиенко был сделан намек на то, что негоже мне упорствовать, если даже «старшие товарищи» считают, что я перегибаю палку относительно невинной заметки Иванова.

Да, подключившись к полемике, Быстров и Шевцов высказались в том смысле, что мои претензии слишком строги, что ситуация много проще. К моей переписке с Ивановым, Огиенко, Шевцовым и Быстровым подключился и Назаренко, который назвал позицию Иванова – хамской, а всей группы – оппортунистической. Такой была оценка Дмитрием факта отказа части редколлегии «Прорыва» поддержать главного редактора. Как это зачастую случается, вся группа несогласных, как и примкнувший к ним Неверов, переключилась на «ганьбу» в адрес Назаренко, а Огиенко даже потребовал исключения Назаренко из редколлегии за обвинение «старших товарищей» в оппортунизме.

По ходу переписки Огиенко признался, что при нехватке пишущего актива, в погоне за ритмичностью публикаций, он нашел материал на страничке Ивана Иванова и, особо не вникая в его содержание, изменив фамилию автора и название статьи, разместил её в курируемом им «Прорывисте» ВК. Подключаясь к полемике по тексту заметки Иванова, поверхностно «пробежали» его и Шевцов с Быстровым. Аналитично с самого начала отнеслись к содержанию заметки Иванова лишь Назаренко, Редин и Петрова. Однако ближе к финалу полемики сложилось впечатление, что Шевцов и Быстров ещё раз обратились к исходному материалу и, в конечном итоге, признали, что заметка Иванова-Алейникова по своему содержанию – легкомысленная маниловщина, что Огиенко при подборе материала проявил халатность, очковтирательство, а в ходе обмена мнениями Иванов и Огиенко наговорили много глупостей. К чести Неверова стоит отметить, что, несмотря на то, что он поддавался настроению и отнёсся к происходящему с большой болью, Константин продолжил стоически работать, агитируя за научный централизм на радиостанции «Красная Звезда»².

Оказалось, что даже самый краткий, «мягкий» и «округлый» по форме, но принципиальный по оценке, отклик главреда способен вызвать эмоциональную реакцию автора заметки и куратора блога, породить элементы компанейщины среди части прорывистов.

Но нет худа без добра. Выявились действительные отношения между членами в редакции, уровень авторитетности главного редактора в глазах части редколлегии. Но, вместо яростной борьбы с главным редактором как первым критиком заметки Иванова и позиции Огиенко, эта группа продолжила «буллинг» против Назаренко, найдя

¹ Подробнее ошибки И.Иванова разобраны в статье В.А. Подгузова «Всё решаемо... но не любимы кадрами» http://proriv.ru/articles.shtml/podguzov?kadry_reshaut77

² ВК-сообщество радио "Красная звезда" <https://vk.com/club216701330>

новый повод для «ганьбы» его в открытой прессе за инициативу по освоению видеформ³ пропаганды марксизма, теоретических и публицистических работ прорывистов. Позже, признав, что в роликах, уже изготовленных по инициативе Назаренко, нет отступлений от марксизма, тем не менее, критики Назаренко беспринципно встали на позицию правых искусствоведов и стали критиковать форму, степень выразительности, продолжительность записей, призывая на этой основе запретить Назаренко экспериментировать и поставить его под жесткий контроль со стороны редколлегии «Прорыва». Как-то забылось, что в марксистской организации для достижения целей, достаточно дружеской помощи, конкретных, научно-состоятельных предложений и, я уверен, Назаренко принял бы их самым спокойным, благодарным и внимательным образом. По крайней мере, когда я бракую с разъяснениями многое, что в первом варианте материала присылает Дмитрий мне на редактуру, от него никогда не исходили такие нервные реакции, как от Сарabeeва, Иванова или Огиенко.

Критики видеопродукции Назаренко упускают из вида, что после Сталина в КПСС не оказалось людей, которые бы понимали роль искусств, особенно, кино, в том числе документального, в деле пропаганды марксизма, принесения в сознание масс всех возрастов коммунистических ценностей. Конечно, советские фильмы значительно отличаются от голливудских и болливудских в сторону большей содержательности, реалистичности, масштабности поднятых проблем, но, за редчайшим исключением, и они близко не стоят к тому, чтобы соответствовать задачам построения коммунизма. Очень много фильмов было снято по троцкистским лекалам, фактически утонченного антикоммунистического содержания.

Не владея марксизмом, невозможно его пропагандировать в массе зрителей и слушателей. Большинство субъектов с дипломами художественных ВУЗов СССР, отвратительно владея марксизмом, абсолютно не напрягались в поиске форм принесения в свои произведения тех обрывков марксизма, которые задержались в извилинах памяти. Например, Лихачев называл интеллигентами людей, независимо от степени овладения ими теории марксизма, а потому, на деле, он и сам оказался говном нации, лауреатом сталинской премии, Героем Социалистического Труда горбачевского разлива и кавалером

ордена «Андрея Первозванного» «За веру и верность» предателя и алкоголика Ельцина, поскольку из его рук Лихачёв и принял, как бочку варенья и ящик печенья, эту свою последнюю прижизненную «награду». КПСС и советская художественная интеллигенция так и не поняли сути идеи социалистического реализма и кустарно, с оглядкой на Запад использовали возможности кинематографа и телевидения в пропаганде идей коммунизма. Поэтому так много места в ностальгических передачах об СССР занимает «Кабачок 13 стульев» и многочисленные варианты на тему «12 стульев»... Учитывая этот печальный опыт, Назаренко, как и Неверов, уже сегодня экспериментируют с видео и аудио формами пропаганды марксизма и не успокаиваются на качестве достигнутого.

Особенность журнала «Прорыв» и интернет-газеты «Прорывист», как формы пропаганды марксизма, состоит в том, что в них публикуются статьи и заметки «неостепененных» теоретиков, в том числе, рабочих от станка, студентов и школьников уже сегодня способных добросовестно решать конкретные вопросы современного общественного бытия с позиций марксистской теории.

В редакционных статьях, опубликованных в журнале «Прорыв», не раз указывалось, что в журнале никакие официальные степени не играют никакой роли, что у прорывистов не должно быть никаких иных мотивов при написании или рассмотрении материалов, кроме научности.

Однако у людей, детство и юность которых прошла в условиях демагогии о «свободе» слова в рыночной экономике и политике, возникает своеобразный моральный дискомфорт, когда они сталкиваются с повышенной требовательностью к себе с чьей-либо стороны, тем более, с «властью» редактора. Назаренко и обвинил конкретных прорывистов в оппортунизме, по совершенно конкретному случаю: за их отказ поддержать главного редактора в его претензиях по антинаучной заметке Иванова-Алейникова-Огиенко. А вот Огиенко, Быстров и Неверов, наградили Назаренко дворовыми, внеклассовыми эпитетами и ярлыками скандалиста, склочника, задолбана. Так что, описанная полемика, вскрыла нарыв, зревший в «Прорыве», согласно закону Паркинсона для некоммунистических организаций. Склока внутри организации, претендующей на марксистское звание, свидетельствует как раз о слабом усвоении марксизма участниками свары. Если организация с коммунистическим названием начинает «вариться» в собственном, прежде всего, карьеристском «соку», снижает свои возможности по воздействию на внешние среды.

Описанного конфликта вообще могло бы не

³ Ютуб-канал «Научный централизм»
https://www.youtube.com/channel/UCa_3Lte6bvc033xjUU5A5g

быть, если бы Иванов и Огиенко не открывали полемику в ВК, а сделали бы необходимые выводы из отзыва главреда на их заметку. Инцидент был бы исчерпан, поскольку, с самого начала, главред не собирався делать каких-либо оргвыводов и открывать полемику в ВК. Но...

СЛОВО НЕ ВОРОБЕЙ... МАРКСИСТ ИЗ-ПОД ПАЛКИ?

До недавних пор многие вопросы служебного характера решались среди прорывистов за счёт личной переписки. Но Иванов и Огиенко навязали сеанс открытой полемики. Поэтому, не вдаваясь в детали их мотивации, я тоже открыто выскажу некоторые соображения.

Несмотря на затянувшуюся перепалку и нарастающую взаимную личную неприязнь Назаренко, тем не менее, обращаясь недавно к Огиенко писал:

«...Роман... ваш локоть на рёбрах не ощущается. То, что мы с товарищами делаем в ВК и на Ютубе требует не конкуренции, а участия. Не одного вас, а всех здесь присутствующих. Чем раньше товарищи об этом задумаются - тем лучше для нашего общего дела».

«Ни в коем случае я не подразумевал конкуренции – отвечает Роман и мстительно продолжает, - Но ведь вы любите поучать, как надо "работать на земле", не чета мне с "дохлым бобиком" Дзеном. Мне интересно, а ваш "бобик", как поживает? Пардон, мне даже репостить из вашей группы нечего. Одни цитаты ВАП [Валерий Алексеевич Подгузов], да и те не сказать, что очень содержательны, особенно для неискушенного читателя».

И на том спасибо. Получается, чем более искушен читатель в марксизме, тем больше содержания он найдёт в цитатах ВАП, опубликованных Назаренко.

Комментируя мои ответы на его вопросы, Огиенко пишет:

«Итак, я правильно понял, что задачу повышения и количества и качества материала вы считаете совершенно неисполнимой? Также, я правильно понял, что никаких четких критериев, позволяющих определить, что журнал развивается, идет вперед, а не топчется на месте, вы не предполагаете? И четкого понятного плана у вас тоже нет? Пассивно плывем по течению, словно медуза, веря, что это течение всё-таки выведет

нас к торжеству коммунизма и научного централизма? Если всё это так, то я вопросов больше не имею».

Объяснить Роману, что его заедает детская болезнь левизны, попытался Быстров:

«Не, Роман, тут уже вас куда-то не туда понесло... Какие тут критерии могут быть? Уж не количественные ли? Как можно назвать топтанием на месте постоянное, не первое десятилетие продолжающееся издание журнала без падения качества публикаций? Журнал прочно удерживает звание единственного марксистского научного издания в РФ. Вот вам и критерий качества. И интерес к нам растёт, и новые люди идут, в том числе, и молодые. О каком плане речь? О плане "вербовки" грамотных марксистов? Сама такая постановка вопроса бредова. Путь от интереса к журналу до становления автора долог. Но интересуются нами, распространяют наши публикации уже сильно больше народу, чем 10-12 лет назад. Никаких региональных групп сторонников тогда еще не было. Для уныния нет ни малейшего повода».

«Ну смотрите. – отвечает Роман Никите. - Единственный марксистский журнал - это так. Но ведь дело не в звании, а в практических результатах. Ведь в чем наша цель вообще? Победа коммунизма. Как ее достичь? Через соц. рев. Что для нее требуется? Наличие субъективных и объективных факторов. Объективные факторы, как мы знаем, назрели и перезрели. Дело за субъективным фактором. В чем он заключается? Главным образом, в наличии Партии. И все мы стремимся к созданию Партии НЦ, верно? Понятно, что мы не балаевцы, чтобы учредить партию скондачка из 10 человек. Партия НЦ не может быть учреждена раньше того момента, пока не накопится критическое число коммунистов-прорывистов. Значит, наша задача - ковка кадров через развитие журнала, газеты и проч. прорывистских ресурсов. Ну вот здесь и начинаются проблемы. Журнал издается более 20 лет, газета - 8 лет, а я веду ВК 7 лет, Назаренко ютуб-канал - 3. Новые кадры прибывают чрезвычайно медленно, молодые сторонники (да и старые, чего уж там) неохотно втягиваются в работу. Всё идет как-то так - ни шатко, ни валко, кое-как еле-еле. Из всего этого я делаю вывод, что нужно уточнять тактику. А как иначе?»

Оставить всё как есть? Ждать еще 20 лет? А у нас точно есть эти 20 лет?».

Роман давно перестал замечать за собой маниловщину, планов громадьё, масштабы, поставленных им задач и горбоёвину, т.е. призывы «что-то менять, искать иные подходы».

Критикнув меня в интернете за то, что якобы, 80% объема каждого журнала «Прорыв» составляют статьи главреда, через час, с легкостью необыкновенной, Роман пишет:

«Да, согласен, что я назвал ложную цифру. Ваши статьи не составляют 80% содержания номера. Я провел небольшой анализ 5 последних выпусков и получил такие цифры:

№78 - 15%, №77 - 11%, №76 - 33%, №75 - 18%, №74 - 62%

В номере 74 ~62% текста ваши, но не 80%. Я признаю ошибку. Руководствовался общим впечатлением, которое меня сильно подвело. Но давайте посмотрим на статистику оригинальных статей. А она такова: в каждом из 5 последних номеров число оригинальных статей, за вычетом главреда - 1. Одна оригинальная статья на номер. Какие намеки, еще и откровенные, я делал в 2017 не помню. Статьи писал в том объеме, в каком мог. Редакция не предъявляла мне никаких требований на этот счет. Если бы предъявляла - возможно, работал бы лучше или честно признал бы - не тяну, можете исключить, если считаете нужным. Вы спрашиваете, за счет чего увеличение. Я полагаю, за счет преодоление той рыхлости в работе, которая за годы образовалась. Как преодолевать? За счет мобилизации усилий членов редакции, активных сторонников. Возможно, нужна строгость. Вот, товарищ, изволь раз в пару месяцев прислать материал. Не обязательно же сложные темы брать, можно и что-то более приземленное, злободневное, комментарий на событие. Видимо, нужна требовательность, по-хорошему, без понуканий работа идет плохо».

И Горбачев не сформулировал бы лучше про «рыхлость, мобилизацию, строгость, приземленность и понукание». Интересно, кто и как понукал Маркса и Ленина, тем более Сталина. Огиенко, как и Сарабеев, как и Троцкий, будучи сторонником жестких мер к другим, не терпит строго отношения к себе ни со стороны главреда, ни тем более со стороны товарищей. Что, «не стреляйте в пианиста: он играет, как умеет». Легко извиняется, но не исправ-

ляется. Даже собственный опыт не послужил для Огиенко уроком. Попытавшись воздействовать на Назаренко в порядке жесткого администрирования, Огиенко получил от него отказ выполнять повеление и... эпитет, вызвавший у Романа шок.

«Оказывается, - возмутился Роман, - что мои решения для вас абсолютно не авторитетны, да обо мне самом вы, оказывается, не высокого мнения, раз считаете допустимым грубить мне. Хотя я, вообще-то, член редакции Прорыва и Прорывиста. И ведь я в некотором роде привел вас к прорывизму. И вот пожадуйста... Я не требую какого-то чиновничества, но если я для вас никто, "главред штопаный", то как мы можем работать вместе? Похоже, что никак».

Размышляя над содержанием большинства публикаций, вышедших из-под пера прорывистов, оценивая их качество и количество затронутых в них проблем, я пришел к выводу, что тенденция научно-теоретического роста кадров в наших коллективах вполне удовлетворительная, но готовых марксистов, подобных Марксу или Сталину, пока в наших рядах не наблюдается.

«Вы говорите, - пишет Роман в связи с моими оценками, - что у нас сегодня нет марксистов, т.е. коллектив Прорыва - не марксисты, так? Но если это так, если и за 20 лет работы Прорыва, выпускающего наиболее качественные статьи во всём СНГ, а может быть - чем черт не шутит, - во всем мире не образовалось ни одного марксиста, то... Что тогда? Тогда наше дело швах, я полагаю. Я думал, вот левое движение в тупике, но есть Прорыв, а с ним и надежда. А вы говорите, что надежды этой нету. Ничего нету, а когда появится - бог весть. И что делать тоже непонятно. Видимо, как Сёмину, сидеть и ждать некоего чуда».

Видимо, Огиенко уверен, что он-то марксист, потому, хотя бы, что он был некогда... кооптирован в редколлегиях «Прорыва» и «Прорывиста». Но его очень огорчило моё мнение, что даже он ещё не марксист. Но здесь, как и во многих других случаях, лучше предположить худшее, чем рисовать розовые картины, поскольку нельзя путать преданность индивида слову марксист, даже его готовность сесть в тюрьму, закрыть своим телом амбразуру ДЗОТА и наличие (в теоретическом и практическом арсенале индивида) трудов, развивающих идеи «Капитала» Маркса, «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина и, хотя бы, осуществлённый план типа ГОЭЛРО, три выполненных центра-

лизованных пятилетних планов развития СССР и победу советского народа над мировым фашизмом во второй мировой войне под руководством Сталина.

Между тем, выставляя мне оценку, сам Огиенко высказался без малейшей дипломатии в мой адрес: «Уважаю вас как публициста-теоретика. А как руководителя и человека... не сошлись характеристиками. Бывает». Для меня и звание публициста-теоретика — достаточно. Между тем, Огиенко

был обязан, как только потерял уважение к редактору как к человеку, заявить о выходе из организации. Но душила какая-то «жаба». Остаётся загадкой, кто мешает Роману не только задавать вопросы и перечислять, якобы, неудачи, а показать высший пилотаж руководства и взять на себя «игру» по созданию ПНЦ, как это «сделали» Сарабеев с Голобиани. Я, например, как только понял, что в рамках РКРП, загнивающей под бременем демократического централизма, не удастся принести пользу делу, организовал сначала газету «Рабочая правда», а затем журнал «Прорыв», вопреки брюзжанию руководства РКРП и МК, решив перед этим материалистически задачи по приобретению техники, расходных материалов, организовав минимально необходимое количество трудолюбивых и морально-психологически устойчивых единомышленников.

Но Огиенко путает вульгарный материализм с материализмом марксистским. Прочитавшие его ценные указания, могут подумать, что материалистом быть легче, чем диалектиком. На самом деле, марксист — это, прежде всего, материалист, достаточно осведомлённый в физике, химии, математике, логистике, биологии, космологии и только так из него может получиться толковый диалектик. На мои обвинения в его горбоёвине, Огиенко ответил так:

«Я, - написал Роман, - предложил не только "что-то делать" а вполне конкретные вещи: увеличить число оригинальных статей журнала, обновить сайт, взять под редакторский контроль ютуб-канал. Что, непосильные задачи, да? Ну, так прямо и признайте - не посильно, не можем, без вот этого снобизма и обвинений, какой Огиенко дурак непроходимый, ничего не понимает и как правильно его, дурака эдакого, выгнали вашей. Если я такой дурак, чего кооптировали-то? Или я так умело маскировался?».

Как это частенько случалось в партийной практике, Роман не маскировался, он просто не сразу раскрылся. Но принципы НЦ действуют как лакмус на щелочь, выявляя политическую голубизну сотрудника. Только вульгарный материалист может решить, что для ускорения политического процесса нужно, всего-то, увеличить количество публикаций

при прежней объёмной кадровой базе организации, т.е. «начать что-то делать, а потом это наращивать», проявляя терпимость к сырости статей, чтобы случайно не

оттолкнуть графоманов. А на графоманов нужно всё время давить, чтобы они выбирали темы полегче, чтобы «давали стране угля, хучь мелкого, но до хрена». Вот, тогда-то строительство партии и самого коммунизма, по мнению Романа, пойдёт веселее. Роман не в курсе обильного обращения графоманов и оппортунистов в редакцию «Прорыва», а мне приходится ежемесячно удивляться, как их много и какие забавные задачи мировому коммунистическому движению они ставят, но никто их не выполняет.

Или взять предложение Романа «обновить сайт». Обновить гардероб, это понятно и шопоголику. А обновить сайт? Это что? Изменить размер, цвет, шрифт? И что? Читатели в большем количестве начнут превращаться в марксистов?

Кто запрещал Роману взять под контроль и ютуб-канал?

Бери! Но «почему-то» не берёт, а советует сделать это другим.

«Когда, - пишет Роман, - я написал в феврале 2016 письмо в редакцию и получил ответ, где говорилось, что "вы могли бы уже начать постепенный переход из отряда читателей и сторонников марксизма в отряд авторов" так уже в марте была опубликована моя первая статья. А летом еще одна. Значит, требование от молодежи начать писать статьи не такая фантастическая, раз даже такой дурак, левак, оппортунист и невежда как я с этим справлялся».

Часто, поначалу, любой человек не выглядит дураком, подаёт надежды, пока не начнёт писать. Оказалось Роман не понимает материальной, объёмной причины скромного размера редакционного портфеля и авторского коллектива журнала «Прорыв». Он, оказывается, не видит разницы между сторонником марксизма и полноценным марксистом, он не понял значения слова ПОСТЕ-

ПЕННО, а потому оскорбился, когда я предложил ему, для начала, писать рефераты по наиболее популярным работам классиков марксизма. Роман так и не понял, что сегодня в мире вообще большая напряженка со зрелыми марксистами везде, даже в КНР и КНДР. Националистов, религиозных фанатиков, мещан, обманутых вкладчиков, телефонных мошенников, членов партий... – полно, как поганок в лесу. А марксиста, в самом лучшем случае, необходимо готовить несколько напряженных лет, даже после того, как человек заявит о своём желании и готовности много трудиться. И положительный итог не всегда получается, даже у Маркса с Каутским, что уж говорить про нас, смертных.

В журнале «Прорыв» размещаются, в основном, статьи зрелого марксистского уровня, что, на первых порах, достигалось их редактированием, в том числе и первых статей самого Огиенко, чему, как и Сарабеев, Роман отчаянной противился. Любой зрелый диалектик материалист понимает, что значит написать научно состоятельную статью. А у Огиенко получается: независимо от конкретного состава прорывистов, их уровня научной подготовки, редактор обязан «надуть» число каких-нибудь публикаций, печь статьи по-быстрому как сырые пирожки. В условиях реально сложной кадровой ситуации, даже с учётом очень горячих писем в

(без соавторства). По две в год. Мне и Быстрову в год удается опубликовать в «Прорыве» по 3-4 статьи, причем, в объёме существенно большем, чем у Огиенко. Пока, к великому сожалению, многие наши активисты поставлены капитализмом в такие объективные рамки выживания, что сделать больше, не теряя качество - невероятно трудно.

Суммировав высказывания Огиенко в ходе многомесячной полемики, я, например, со своим опытом преподавания марксизма и партийной практики, вижу сколь бездарно Роман потратил 8 лет своего пребывания в редколлегии «Прорыва», как все запущено с точки зрения и теории материализма, и теории диалектики, а потому посчитал всё высказанное Романом, неформальным и недвусмысленным его заявлением о выходе из состава редколлегии на свободу, во имя реализации собственных взглядов. Останется ли он в рядах сторонников НЦ, покажет время. Казалось бы, кто мешал Роману начать разрабатывать план выполнения всех тех предложений, которые он «накидал» главреду журнала. Пока же Роман твёрдо уверен, что задачи должен ставить он, а план их реализации должен составлять и выполнять главред. Огиенко останется лишь проверять, да понукать и покрикивать, чтобы не сказать, подстёгивать.

Октябрь 2024

редакцию со стороны молодых и талантливых людей, вставших на рельсы марксизма, резко увеличить количество научно состоятельных статей, невозможно, тем более, «по щучьему велению».

Кстати, за последние 8 лет Огиенко опубликовал в «Прорыве», по моим подсчётам, 16 статей

ИСТОРИЯ

О явке Ленина на суд

Бронислав

Июнь 1917 года. Буржуазное правительство по требованию англо-французских союзников начинает наступление на фронте, ожидая, что успех одного позволит укрепить позиции «революционно-оборончества». Однако наступление заканчивается провалом. В народных массах стремительно растет недовольство правительственным курсом. Антивоенные настроения распространяются и в тылу, и на фронте, поэтому буржуазия решается на провокацию. В ночь на 3 июля министры-кадеты, рассчитывая на то, что меньшевики и эсеры, оставшись наедине с революционно настроенным народом, будут вынуждены встать на сторону контрреволюции, заявляют о своей отставке. Ожидания кадетов оправдываются: организационный комитет партии меньшевиков формулирует задачу организации нового правительства «по возможности с преобладанием в нем представителей буржуазии»⁴. В ответ на выход кадетов из правительства недовольные массы стихийно начинают в некоторых районах Петрограда протестные демонстрации с целью передать всю власть Советам. Постепенно отдельные демонстрации перерастают в единую общегородскую демонстрацию.

На вечернем совещании 3 июля большевики, видя готовность масс, во что бы то ни стало, продолжить выступления, принимают решение возглавить демонстрацию 4 июля, чтобы та не приняла насильственные и анархические формы. Однако контрреволюция при попустительстве ЦИКа применяет вооруженную силу против мирных демонстрантов. По улицам Петрограда опять полилась кровь⁵. Пользуясь моментом, контрреволюция обвинила большевиков в провале июньского наступления, в разложении армии и шпионаже в пользу *Германии*. Был найден предлог для прекращения легальной деятельности стремительно набирающей популярность партии и для ареста ее лидеров. 5 июля была разгромлена редакция «Правды». 6 июля осуществлен погром типографии «Труд», печатавшей большевистские издания. В тот же день были захвачены Петропавловская крепость, гарнизон которой 4 июля примкнул к большеви-

кам, и дворец Кшесинской, в котором располагалось помещение ЦК, ПК и Военной организации большевиков. Временное правительство боялось большевиков и понимало, что дальнейшее политическое насильственное бездействие «смерти подобно». Не последнюю роль в наступлении контрреволюции сыграли рекомендации, даваемые русской контрреволюции «западными партнерами»:

«Английский посол Бьюкенен передал министру иностранных дел Терещенко письмо военного атташе А. Нокса, в котором говорилось, что если Временное правительство одержит верх в этом кризисе и если оно захочет продолжать войну эффективно, в соответствии с интересами союзников, то оно должно принять ряд решительных мер, как-то: восстановление смертной казни в тылу и на фронте, привлечение к ответственности и наказание участников демонстрации 3-4 июля, разоружение рабочих Петрограда, введение военной цензуры для печати с правом конфискации типографий тех газет, которые призывают войска или население к нарушению порядка и военной дисциплины, организация милиции в Петрограде и других больших городах из солдат, раненных на фронте, в возрасте от сорока лет и старше и др.»⁶

После того как 6 июля на заседании кабинета министров было принято официальное постановление об аресте и привлечении к суду участников и организаторов июльской демонстрации⁷, в ночь на 7 июля, в квартире, в которой жил Владимир Ильич (квартира Елизаровых), прошли обыски. К счастью, Ленина не было дома. Мария Ульянова (сестра Владимира Ильича) в своих воспоминаниях писала:

«Поздно вечером на нашей тихой, без-

⁶ Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий, т. 2. 1959, с. 495.

⁷ «Всех участвовавших в организации и руководстве вооруженным выступлением против государственной власти, установленной народом, а также всех призывавших и подстрекавших к нему арестовать и привлечь к судебной ответственности, как виновных и в измене родине и предательстве революции» (Революция 1917 года. Хроника событий, т. 3).

⁴ Знаменский О. Н. Июльский кризис 1917 года, 1964, с. 67.

⁵ Расстрелы демонстраций начались еще 3 июля.

людной улице раздался грохот огромного грузовика, который остановился около нашего дома. «Это к нам, это они!» — воскликнула я. И действительно, подойдя к окнам, мы увидели, что грузовик остановился около дома, в котором мы жили, и солдаты уже направляются к подъезду. Мы из окон слышали их громкие голоса, слышали, как они переговаривались с дворником или швейцаром, а через несколько минут раздался звонок и громкий стук в дверь.

Мы открыли тотчас же, так как скрывать было нечего, и вся наша квартира наполнилась свирепой толпой юнкеров и солдат с ружьями в руках. Они едва предъявили нам ордер на обыск и уже принялись спешно за разыскивание того, за кем приехали. Помощник начальника контрразведки с двумя или тремя офицерами и солдатами направились в комнату, где жил Ильич, остальные заняли все другие комнаты.

Хотя мы и сказали, что Ильича в квартире нет, они принялись все же искать его всюду, где только можно было предположить, что может спрятаться человек: под кроватями, в шкафах, за занавесками окон и т. п. Потребовали ключи и, когда я открывала ту или иную корзину или сундук, набрасывались и прокалывали содержимое иттыками. <...> После осмотра той или иной вещи я опять запирала ее на ключ, но скоро убедилась, что это еще больше разжигает страсти. «Если запирает, тут-то он и есть», — вероятно, думали они, и на корзину тотчас же налетали другие солдаты и снова заставляли отпирать ее, рылись, кололи иттыками. Что лежало в корзине, их не интересовало, вещи они не осматривали: им надо было только убедиться, что там не спрятался тот «немецкий шпион», которого они пришли искать. Старший дворник сновал вместе с ними. Теперь язык у него развязался, и он не боялся уже говорить прямо. «Да если бы я знал раньше, я бы его такого-сякого собственными руками задушил!» — кричал он»⁸.

Как видно, агрессивные действия и высказывания субъектов обыска (как солдат, так и дворника) свидетельствовали о крайней их незаинтересованности в живом и невредимом Ленине. Контрреволюционные «ищейки» не сильно бы огорчились,

если бы в ходе обысков «случайно» проткнули Ленина штыком.

Узнав о происходившем на квартире Елизаровых, Владимир Ильич пишет письмо в бюро ЦИК, в котором «выражает протест против» подобной формы обыска и просит ЦИК «расследовать это прямое нарушение закона», добавляя при этом:

«...Считаю долгом официально и письменно подтвердить то, в чем, я уверен, не мог сомневаться ни один член ЦИК, именно: что в случае приказа правительства о моем аресте и утверждении этого приказа ЦИК-ком, я явлюсь в указанное мне ЦИК-ком место для ареста»⁹.

Из текста обращения видно, что Ленин на момент его написания был готов «в случае приказа правительства явиться для ареста». Факт того, что Ленин какое-то время склонялся к явке на суд, подтверждается и в воспоминаниях Крупской:

«7-го мы были у Ильича на квартире Аллилуевых вместе с Марией Ильиничной. Это был как раз у Ильича момент колебаний. Он приводил доводы за необходимость явиться на суд. Мария Ильинична горячо возражала ему. «Мы с Григорием решили явиться, пойдди скажи об этом Каменеву», — сказал мне Ильич. Каменев в это время находился на другой квартире поблизости. Я заторопилась. «Давай попрощаемся, — остановил меня Владимир Ильич, — может, не увидимся уж»»¹⁰.

Об этом говорит и ленинская биографическая хроника:

«Ленин днем [7 июля], на квартире С.Я. Аллилуева, советуется с Н. К. Крупской и М. И. Ульяновой по вопросу о явке на суд Временного правительства; высказывает намерение явиться на суд»¹¹.

Однако, как видно из приведенных свидетельств, письмо в бюро ЦИК написано до того, как на квартире Аллилуева (где и скрывался в эти дни Владимир Ильич) было организовано обсуждение вопроса о явке, участие в котором принимал настаивающий на неправильности явки Сталин. Причем на момент обсуждения Ленин не окончательно, но уже склонялся в пользу неявки на суд. Вот как это описывал Орджоникидзе:

«Вместе со Сталиным спешим к Ильичу [на квартиру Аллилуева]. Там уже Зиновьев, Н. К. Крупская, Ногин и В. Яковлева. Пошли

⁹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 49, с. 445.

¹⁰ Воспоминания о В. И. Ленине в пяти томах, т. 1, с. 463.

¹¹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 4, с. 282.

⁸ Воспоминания о В. И. Ленине в пяти томах, т. 1, 1979, с. 164-165.

разговоры о том, надо ли Владимиру Ильичу явиться и дать арестовать себя. Ногин довольно робко высказался за то, что надо явиться и перед гласным судом дать бой. Таково было мнение значительной части московских товарищей. Владимир Ильич со свойственной ему ясностью доказал, что никакого гласного суда не будет. Сталин решительно против явки к властям. «Юнкера до тюрьмы не доведут, убьют по дороге», — говорит он. Ильич, по всему видно, тоже против, но немного смущает его Ногин»¹².

Обсуждение вопроса о явке было прервано появлением Елены Стасовой, а точнее, той информацией, которой она поделилась с товарищами:

«Как раз в это время заходит Е. Стасова и сообщает о вновь пущенном по Таврическому дворцу слухе, что Ленин якобы по документам архива департамента полиции провокатор. Эти слова на Ильича произвели невероятно сильное впечатление. Нервная дрожь перекосила его лицо, и он тоном, не допускающим возражения, заявил, что надо ему сесть в тюрьму»¹³.

Но прежде необходимы гарантии безопасности. Для выяснения того, способен ли ЦИК предоставить подобные гарантии, в Таврический Дворец были отправлены тт. Ногин и Орджоникидзе:

«Меня и Ногина посылают в Таврический дворец для переговоров с членом Президиума ВЦИК и Петроградского Совета Анисимовым об условиях содержания Ильича в тюрьме. Мы должны были добиться гарантий от него, что Ильич не будет растерзан озверевшими юнкерами. Надо было добиться, чтобы Ильича посадили в Петропавловку (там гарнизон был наш), или же если он будет посажен в «Кресты», то добиться абсолютной гарантии, что он не будет убит и будет назначен гласный суд. В случае утвердительного ответа Анисимова [меньшевик, член президиума ВЦИК] под вечер Ильича везут в тюрьму...»¹⁴

В ходе разговора в ЦИКе выясняется, что никаких абсолютных гарантий безопасности Ленина ЦИК дать не может, что сам Анисимов «не знает, в чьих руках будет завтра он сам». Слыша все это, Орджоникидзе принимает решение вернуться на квартиру Аллилуева для того, чтобы убедить Ле-

нина не являться на суд. На обратном пути тт. Орджоникидзе и Ногин встречают Луначарского, который, в свою очередь, также просит отговорить Ленина от намерения садиться в тюрьму. Вскоре Орджоникидзе и Ногин возвратились на квартиру Аллилуева, где их ожидали Ленин, Сталин и др., и передали им услышанное от Анисимова и Луначарского. Ознакомившись с новой информацией, Ленин принял точку зрения Сталина, решив уйти в подполье.

Как было написано в воспоминаниях Орджоникидзе, Сталин настаивал на неявке, убеждая Ленина в том, что вместо честного суда будет стыдливая расправа. Однако уже в КПССной литературе позиция Сталина целенаправленно замалчивается¹⁵. Сталин называется лишь в ряду других членов партии, «пришедших к единодушному решению», тогда как на самом деле Сталин еще до того, как был получен ответ из ЦИКа, стоял на позиции неявки Ленина на суд, ибо он был уверен, что явка на суд в тех условиях будет равна смерти Ленина, что «приглашение» на суд есть лишь предлог к расправе над вождем революции. Это умолчание было сделано с одной целью — затушевать принципиальность, последовательность и пронизательность позиции Сталина в такой сложный для партии и революции момент. Не стоит также умалять и того факта, что мнение авторитетного товарища, коим, без сомнения, был Сталин, не могло не иметь влияния на окончательное решение Владимира Ильича.

Роль Сталина в этих событиях подчеркивается и Крупской:

«Вечером [7 июля] т. Сталин и другие убедили Ильича на суд не являться и тем спасли его жизнь»¹⁶.

И Ярославским:

«Центральный Комитет, обсудив предложение товарища Сталина, что Ленин не должен являться на суд контрреволюционной буржуазии, а должен скрыться»¹⁷.

По итогам обсуждения, состоявшегося 7 июля, Ленин пишет работу «К вопросу об явке на суд большевистских лидеров», в которой последова-

¹² Воспоминания о В. И. Ленине в пяти томах, т. 2, с. 417.

¹³ Воспоминания о В. И. Ленине в пяти томах, т. 2, с. 417-418.

¹⁴ Воспоминания о В. И. Ленине в пяти томах, т. 2, с. 418.

¹⁵ Например, в книге Степанова «Июльские события» (1967) написано: «В этот же день [7 июля] там [на квартире Аллилуева] состоялось совещание, которое обязало В. И. Ленина ни в коем случае не являться по требованию властей для дачи показаний по клеветническому обвинению, выдвинутому черносотенной прессой против партии и лично Владимира Ильича».

¹⁶ Воспоминания о В. И. Ленине в пяти томах, т. 1, с. 463.

¹⁷ Ярославский Е. М. Биография В. И. Ленина, 1940, с. 100-101.

тельно опровергает доводы тех, кто считает возможным честный суд над большевистскими лидерами в условиях июля 1917 года (господства контрреволюции):

«Принципиально вопрос сводится больше всего к оценке того, что принято называть конституционными иллюзиями.

Если считать, что в России есть и возможно правильное правительство, правильный суд, вероятен созыв Учредительного собрания, тогда можно прийти к выводу в пользу явки.

Но такое мнение насквозь ошибочно. Именно последние события, после 4 июля, нагляднейшим образом показали, что созыв Учредительного собрания невероятен (без новой революции), что ни правильного правительства, ни правильного суда в России нет и быть (теперь) не может.

<...>

Действует военная диктатура. О „суде“ тут смешно и говорить. Дело не в „суде“, а в эпизоде гражданской войны. Вот чего напрасно не хотят понять сторонники явки.

<...> Неужели не смешно тут говорить о суде? Неужели не наивно думать, что какой-нибудь суд при таких условиях может что-либо разобрать, установить, расследовать??

Власть в руках военной диктатуры, и без новой революции власть эта может лишь укрепиться на известное время, на время войны прежде всего.

“Я не сделал ничего противозаконного. Суд справедлив. Суд разберет. Суд будет гласный. Народ поймет. Я явлюсь”.

Это — рассуждение наивное до ребячества. <...>

Пусть интернационалисты работают нелегально по мере сил, но пусть не делают глупости добровольной явки!»¹⁸

Также Ленин совместно с Зиновьевым пишет письмо, которое начинается со слов «Мы переменили свое намерение подчиниться указу Временного правительства о нашем аресте...», что в оче-

редной раз говорит о том, что Ленин под влиянием партийных обсуждений и известий из Таврического изменил свое мнение.

Стоит также заметить, что Сталин помогает Ленину уйти на нелегальное положение:

«7-8 июля. И. В. Сталин и Г. К. Орджоникидзе вместе с В. И. Лениным решают вопрос о выезде Ленина из Петрограда.

8-11 июля. И. В. Сталин подготавливает отъезд В. И. Ленина из Петрограда. 11 июля. И. В. Сталин и С. Я. Аллилуев провожают В. И. Ленина на Приморский вокзал, откуда он поездом уезжает на ст. Разлив»¹⁹.

Деятельность Сталина по вывозу Ленина отображается и в воспоминаниях Аллилуева:

«Ленин вынужден был скрыться в подполье. Мне вместе с И. В. Сталиным пришлось провожать Владимира Ильича на Приморский вокзал, с которого Ленин уехал в Разлив»²⁰.

Этот же факт подтверждается и в воспоминаниях другого члена партии, сестрорецкого рабочего Н. А. Емельянова, у которого Ленин жил несколько дней:

«В условленное время я встретил В. И. Ленина и сопровождавших его И. В. Сталина и С. Я. Аллилуева у Большой Невки»²¹.

После обсуждения на квартире Аллилуева и ухода Ленина на нелегальное положение, 13-14 июля в Петрограде прошло расширенное совещание ЦК²², а 16 июля возобновилась работа Петро-

¹⁹ Сталин И. В. Собрание сочинений, т. 3, с. 417.

²⁰ Воспоминания о В. И. Ленине в пяти томах, т. 2, с. 8.

²¹ Воспоминания о В. И. Ленине в пяти томах, т. 2, с. 412.

²² Протоколы совещания, к сожалению, не сохранились.

¹⁸ Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 32, с. 433-434.

градской общегородской конференции, прерванная событиями 3-4 июля. На них Сталин продолжил отстаивать неправильность явки на суд в тех конкретно-исторических условиях. Так, выступая на утреннем заседании Петроградской конференции 16 июля с докладом о текущем моменте, он говорил:

«...Ни т. Ленин, ни т. Зиновьев от суда не уклоняются, так как они чисты перед выставленными им обвинениями, но большевистская фракция ЦИК не имеет гарантий, что наши товарищи не будут растерзаны самочинными бандами в виду той бешеной травли, которая против них ведется. Я лично ставил вопрос о явке перед Либером и Анисимовым, и они мне ответили, что никаких гарантий они дать не могут»²³.

Однако среди большевиков и близких к ним межрайонцев было немало тех, кто считал необходимым появление лидеров коммунистов на суде. Дескать, на предъявленные обвинения нельзя не ответить публично; нельзя не оправдать себя и партию перед лицом народа²⁴. В большом количестве источников сталинского времени в качестве сторонников явки упомянуты Троцкий, Каменев и Рыков^{25,26,27,28}. В послесталинские времена об этом не сильно распространялись. Упоминали о тех членах партии, кто выступил за явку на VI съезде, а про Троцкого и К^о дипломатично «забывали». Представляется, что подобное «недоразумение»

необходимо исправить.

Начать стоит с Троцкого. После того как Временное правительство опубликовало декрет об аресте лидеров большевиков, Троцкий пишет письмо, и не кому-нибудь, а самому Временному правительству. В этом письме он требует от буржуазии признания своих (Троцкого) заслуг и фактически напрашивается в тюрьму, аргументируя это революционной фразой, согласно которой «ему нечего скрывать». Во избежание разночтений текст письма Троцкого приводится практически в полном виде:

«Граждане министры!

Мне сообщают, что декрет об аресте, в связи с событиями 3-4 июля, распространяется на т.т. Ленина, Зиновьева, Каменева, но не затрагивает меня.

По этому поводу считаю необходимым довести до Вашего сведения нижеследующее:

1. Я разделяю принципиальную позицию Ленина, Зиновьева и Каменева и развивал ее в журнале "Вперед" и во всех вообще своих публичных выступлениях.

2. Отношение мое к событиям 3-4 июля было однородным с отношением названных товарищей, а именно:

<...>

б) когда демонстрация тем не менее состоялась, я, как и т.т. большевики, многократно выступал перед Таврическим Дворцом, выражая свою полную солидарность с основным лозунгом демонстрантов: "Вся власть Совету", но в то же время настойчиво призывал демонстрантов немедленно же возвращаться, мирным и организованным путем, в свои войсковые части и свои кварталы;

в) на совещании некоторого числа членов большевистской и междурайонной организации, происходившем глубокой ночью (3-4 июля) в Таврическом Дворце, я поддерживал предложение т. Каменева: принять все меры к тому, чтобы избежать 4 июля повторения манифестации; и только после того, как все агитаторы, прибывшие из районов, сообщили о том, что полки и заводы уже решили выступать, и что до ликвидации правительственного кризиса нет никакой возможности удержать массы, все участники совещания присоединились к решению приложить все усилия к тому, чтобы ввести выступление в рамки мирной манифестации и настаивать на том, чтоб массы

²³ Вторая и третья Петроградские конференции большевиков. Протоколы и материалы, 1927, с. 56.

²⁴ «Некоторые наши товарищи ставят вопрос о том, что Ленину нельзя скрываться, он должен явиться. "Иначе у партии не будет возможности оправдаться перед широкими массами". "Вождю партии брошено тяжкое обвинение, он должен предстать перед судом и оправдать себя и партию". Так рассуждали очень многие видные большевики» (Орджоникидзе Г. К. Ильич в июльские дни).

²⁵ «На съезде обсуждался вопрос о явке Ленина на суд. Каменев, Рыков, Троцкий и другие еще до съезда считали, что Ленину надо явиться на суд контрреволюционеров» (Сталин И. В. История ВКП(б). Краткий курс).

²⁶ «Сталин спас для партии, для нашего народа, для всего человечества драгоценную жизнь Ленина, решительно высказавшись против явки Ленина на суд контрреволюционеров, воспротивившись предложению предателя Каменева, Рыкова, Троцкого выдать Ленина на суд контрреволюционного Временного правительства» (Сталин И. В. Краткая биография).

²⁷ «За явку Ленина на суд контрреволюционного Временного правительства высказались Троцкий, Каменев, Рыков» (Ленин В. И. Собрание сочинений, 4-е изд., т. 25, с. 475-476).

²⁸ «Буржуазия требовала суда над Лениным. Многие изменники поддержали голос буржуазии. Троцкий, Каменев, Рыков, например, высказывались за немедленную явку Ильича на суд» (Орджоникидзе З. Г. Путь большевика).

выходили без оружия;

з) в течение всего дня 4 июля, проведенного мною в Таврическом Дворце, я, подобно присутствовавшим там т.т. большевикам, неоднократно выступал перед демонстрантами в том же самом смысле и духе, что и накануне.

3. Неучастие мое в “Правде” и невхождение мое в большевистскую организацию объясняются не политическими разногласиями, а условиями нашего партийного прошлого, потерявшими ныне всякое значение.

4. Сообщение газет о том, будто я “отрекся” от своей причастности к большевикам, представляет такое же измышление, как и сообщение о том, будто я просил власти защитить меня от “самосуда толпы”, как и сотни других утверждений той же печати.

5. Из всего изложенного ясно, что у вас не может быть никаких логических оснований в пользу изъятия меня из-под действия декрета, силою которого подлежат аресту т.т. Ленин, Зиновьев и Каменев.

6. Что же касается политической стороны дела, то у вас не может быть оснований сомневаться в том, что я являюсь столь же непримиримым противником общей политики Временного Правительства, как и названные товарищи.

Изъятие в мою пользу только ярче подчеркивает, таким образом, контрреволюционный произвол в отношении Ленина, Зиновьева и Каменева²⁹.

На первый взгляд, может показаться, будто бы Троцкий своим письмом хотел вступить за своих оклеветанных товарищей, которых с ним разделяют «не политические разногласия», а некие «условия партийного прошлого, потерявшие всякое значение». Троцкий пытается представить дело таким образом, будто бы его возмущение «изъятием» вызвано исключительно несправедливостью оно: мол, если бы обвинения правительства были бы справедливыми, то аресту, помимо большевиков, подлежал бы и сам Троцкий; а раз его «изъяли», то все обвинения к лидерам большевиков, игнорирующие равноправных участников июльских дней, предвзяты и имеют целью арест конкретных вождей, в первую очередь Ленина. Какое благородство!.. в глазах малограмотных, но впечатлительных граждан.

На самом деле своим письмом Троцкий фак-

тически побуждает правительство арестовать его, чем оказывает Ленину и большевикам «медвежью услугу», ибо тезисы и последующий арест Троцкого бросали тень на авторитет и репутацию Ленина. Логика проста: раз Троцкому нечего скрывать и он готов быть арестован, то что же мешает Ленину поступить подобным образом? Иными словами, следствием заявлений Троцкого о том, что ему нечего скрывать, становились новые вопросы к Ленину, которому, по обывательской логике (которая господствовала даже в умах многих революционно настроенных граждан), было что скрывать. Таким хитрым способом «благородство» Троцкого превращалось в орудие борьбы с Лениным. «Честность и открытость» Троцкого прямо противопоставлялась «хитрости и скрытности» Ленина; готовность Троцкого предстать перед судом противопоставлялась отсутствию подобной готовности со стороны Ленина. Примечательно, как нелепо это вредительство Троцкого трактуется современными троцкистами³⁰.

Стоит заметить, что доля правды в словах Троцкого имеется. Правительству, действительно, был необходим предлог не только для того, чтобы закрыть типографии и запретить партию, но и для того, чтобы убить Ленина. Только вот благородность порывов Троцкого ложна, ибо главной целью, которую он преследовал своим письмом, было, как бы сказали современные буржуазные политологи, заработать социально-политический капитал, повысить свою популярность и значимость как революционера.

Но Троцкий решил не ограничиваться одним лишь письмом. Выступая на пленарном заседании ВЦИК, состоявшемся 17 июля, Троцкий продолжил напрашиваться в тюрьму, указывая прямым текстом на то, что место его фактического пребывания и возможного задержания им не скрывается:

«Я хочу обратить ваше внимание на одно обстоятельство. Если революционная диктатура считает, что мы совершали преступление, то она должна расправиться с нами со всей силой революционной власти. Кто-то говорил здесь, что неизвестен мой адрес. Это неправда, он имеется в списках членов ЦК»³¹.

И вот, мольбы были услышаны. В ночь с 22 на 23 июля Временное правительство снизошло до

²⁹ Революция 1917 года. Хроника событий, т. 3, с. 331.

³⁰ «Троцкий — с рядом видных большевиков — в момент VI съезда находился в тюрьме, попав туда после начала антибольшевистских преследований за солидарность с большевистской партией, выраженную в том числе специальным письмом в адрес Временного правительства» (Сарабеев В. Троцкий, Сталин, коммунизм, с. 39).

³¹ Революция 1917 года. Хроника событий, т. 3, с. 336.

Троцкого, арестовав его и посадив в «Кресты». Однако и атмосфера застенка не умирляет пыл р-революционера. Уже после того как Троцкого арестовали, он из тюрьмы пишет письмо министру юстиции, где жалуется на прокурора Петроградской Судебной Палаты, указывая министру на недопустимость подобного «самоуправства» для «республиканской юстиции»:

«Гражданин Министр.

...Считаю необходимым обратить ваше... внимание на ту неслыханную работу, которую сейчас развивает г. прокурор Петроградской Судебной Палаты.

<...>

Дело Дрейфуса, дело Бейлиса — ничто в сравнении с тем сознательным покушением на моральное убийство ряда политических деятелей, которое теперь совершается под знаком республиканской юстиции. Необходимо авторитетное вмешательство, гражданин министр! Необходима немедленная проверка работы г-на прокурора!»³²

Чем не конституционные иллюзии, раскритикованные Лениным? Конечно, можно представить дело таким образом, будто Троцкий, не имея заблуждений относительно добросовестности министра юстиции, решил своим письмом раскрыть глаза доверчивых граждан на контрреволюционную сущность правительства. И подобная аргументация работала бы... при условии, если бы сам Троцкий не поддался на провокацию, слезно упрашивая правительство дать ему возможность отстоять свое честное имя на честном республиканском суде. Так, в автобиографической книге «Моя жизнь» Троцкий, повествуя об июльских днях, писал:

«Господа министры сделали из этого письма [Временному правительству] надлежащий вывод: они меня арестовали как немецкого агента»³³.

Возможно, Троцкий сарказмирует, говоря о «надлежащих выводах», сделанных правительством, однако логика политического процесса железна: письмо Троцкого — фактическое покушение на жизнь и авторитет Ленина, покушение, которое усилиями Сталина, Крупской, Орджоникидзе и других провалилось. Таковы факты.

Конечно, Ленину нечего было скрывать, но вопрос в те дни стоял не о том, есть ли у кого-либо из коммунистов что скрывать, а о том, насколько осмысленно и безопасно для революции (успех которой напрямую зависит от наличия в коммуни-

стической партии вождей-марксистов, подобных Владимиру Ильичу) появление Ленина на суде. Троцкий же со свойственным ему верхоглядством и напыщенностью решил воспользоваться ситуацией для собственной выгоды, чем очень сильно подставил и Ленина, и большевиков. Если бы Троцкий был коммунистом, он бы использовал «изъятие» на благо партии и революции, как это сделал, например, Сталин, принимавший в июльских событиях участие и при этом «умудрившийся» не попасть в тюрьму, а продолжить работу по укреплению партии. Но Троцкого не интересовало дело, ему были важны популярность, обсуждаемость и статус политического заключенного, страждущего за свои убеждения. Так и было: пока Ленин и Сталин делали революцию, Троцкий в нее играл.

Что же касается Каменева, то он, так же как и Троцкий, самовольно сдался властям, о чем, например, говорит текст его заявления во ВЦИК, написанный им уже после того, как он был арестован:

«Сегодня исполняется ровно неделя, как я заключен в тюрьму. Я отдал себя в распоряжение судебной власти, ибо доверился авторитету Совета Раб. и Солдат. Депутатов, его резолюции о “судебных гарантиях” и заявлению членов президиума Центрального Исп. Комитета Анисимова и Никольского, что мне немедленно предъявлено будет точно сформулированное обвинение судебными властями, и я получу возможность представить все объяснения; между тем за всю неделю я не видел ни одного представителя судебной власти, мне не представлено ими никакого обвинения, и я до сих пор не допрошен.

А в то же время самим фактом заключения я лишен возможности публично бороться с гнусной клеветой о моей причастности к деньгам или вообще к планам германского правительства и привлечь к ответственности лжецов, выдвигающих это обвинение в целях политической борьбы без тени каких-либо фактов в руках. Вместо разбора дела, ради которого я пошел в тюрьму, получилась ловушка, в которую я брошен безоружный перед лицом политических врагов и на радость и издевательство всех врагов социализма»³⁴.

Текст письма Каменева говорит, во-первых, о наличии у него раскритикованных Лениным кон-

³² Революция 1917 года. Хроника событий, т. 3, с. 361-362.

³³ Троцкий Л. Д. Моя жизнь, 1991, с. 308.

³⁴ Революция 1917 года. Хроника событий, т. 3, с. 370.

ституционных иллюзий, а, следовательно, и о том, что Каменев, как это утверждалось в книгах сталинского времени, действительно был сторонником явки Ленина на суд, и, во-вторых, о правильности тезиса Сталина о суде как «ловушке» для Ленина: из высказываний Каменева ясно видно, что никто не собирался проводить никакой честный суд с возможностью публичного опровержения клеветы. Каменеву просто повезло, что он не Ленин, что он своим существованием не угрожал буржуазии так, как Владимир Ильич.

К сожалению, найти конкретную информацию о Рыкове не удалось, однако даже представленных выше материалов о Троцком и Каменеве вполне достаточно для того, чтобы убедиться в истинности предъявленных в литературе сталинского времени обвинений. Очевидно, что неупоминание роли Троцкого, Каменева и Рыкова (в контексте явки Ленина) в литературе послесталинской эпохи имеет перед собой цель опорочить Иосифа Виссарионовича, вычеркнуть из ленинской и сталинской биографий очередное доказательство верности Сталина и других большевиков Владимиру Ильичу и предательства его (Ленина) со стороны Троцкого и других оппортунистов. Именно поэтому Сталин в «Кратком курсе» упомянул этот инцидент. И именно поэтому его перестали упоминать после 1956 года³⁵.

Однако если в книгах, изданных после 1956 года, позиция Троцкого, Каменева и Рыкова относительно явки на суд стыдливо замалчивалась, то позиция Сталина, озвученная им на VI съезде партии (июль-август 1917 года), была напрямую искажена. Так, в шеститомной «Истории КПСС» было написано:

«В заключительном слове на съезде по докладу о политической деятельности ЦК Сталин обосновывал неявку Ленина на суд в соответствии с решением расширенного совещания ЦК, в котором говорилось об отсутствии гарантий безопасности, и ставил вопрос о явке в зависимость от этих гарантий. Подчеркивая, что в данный момент нет таких гарантий, он внес предложение обсудить этот вопрос при рассмотрении текущего момента, приняв определенное решение об уклонении Ленина от явки к властям. Свое предложение Сталин мотивиро-

вал тем, что “в данный момент все еще не ясно, в чьих руках власть”, что пока “положение еще не выяснилось, пока еще идет глухая борьба между властью официальной и властью фактической, нет для товарищей никакого смысла являться к властям”. Эта оценка политического положения не учитывала того факта, что после июльских событий власть оказалась уже в руках контрреволюционной буржуазии»³⁶.

Похожую риторику можно обнаружить и в примечаниях к 5-му (послесталинскому) изданию собрания сочинений Ленина:

«Такая постановка вопроса исходила из неправильной оценки состояния политической власти в стране и допущения возможности “честного” буржуазного суда»³⁷.

А вот что написано в биографии Орджоникидзе от 1962 года:

«Нечеткую, ошибочную позицию в этом вопросе занимал Сталин. Выступая против явки В. И. Ленина на суд в данный момент, он в то же время считал возможной эту явку при условии создания такой власти, которая “сможет гарантировать наших товарищей от насилия”, “будет иметь хоть некоторую честь”... Однако [стоит заметить, что союз “однако” использован для того, чтобы подчеркнуть отличие позиции Сталина от позиций остальных сторонников неявки, чтобы тайком отождествить позицию Сталина с позицией сторонников явки, страдающих “конституционными иллюзиями”. — Прим. авт.] подавляющее большинство делегатов дало решительный отпор сторонникам явки В. И. Ленина на суд Временного правительства. Дзержинский, Шлихтер и другие делегаты съезда полностью одобрили действия Ленина, уклонившегося от ареста, и категорически заявили: не дадим Ленина на расправу палачам, не выдадим Ильича!»³⁸

Как видно, советские оппортунисты открыто обвинили Сталина в неправильной оценке политического положения. Но насколько справедливы их обвинения? Для того чтобы правильно ответить на этот вопрос, стоит более подробно проанализировать выступления и высказывания участников обсуждения на съезде.

Начать стоит с выступления самого Сталина:

³⁵ Во всяком случае, в широко распространенных материалах, в которых повествование шло бы об июльских днях, фамилии Троцкого, Каменева и Рыкова или не упомянуты вообще, или упомянуты, но не в негативном контексте. См. Знаменский О. Н., «Июльский кризис 1917 года» (1964); Степанов З. В., «Июльские события» (1967); «История КПСС в шести томах».

³⁶ История КПСС в шести томах, т. 3, кн. 1, 1967, с. 178.

³⁷ Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 34, с. 474-475.

³⁸ Кириллов В., Свердлов А. Г. К. Орджоникидзе. Биография, 1962, с. 73.

«В данный момент все еще неясно, в чьих руках власть. Нет гарантии, что, если они [Ленин и Зиновьев] явятся, они не будут подвергнуты грубому насилию. Другое дело, если суд будет демократически организован и будет дана гарантия, что не будет допущено насилие. На вопрос об этом нам отвечали в ЦИК: “Мы не знаем, что может случиться”. Следовательно, пока положение еще не выяснилось, пока еще идет глухая борьба между властью официальной и властью фактической, нет для товарищей никакого смысла являться в “суд”. Если же во главе будет стоять власть, которая сможет гарантировать наших товарищей от насилий, они явятся»³⁹.

Как видно из приведенного фрагмента, Сталин на момент проведения VI съезда партии выступал против явки Ленина на суд, допуская при этом возможность проведения честного суда при власти, способной гарантировать большевикам безопасность. Это положение не противоречит, а, наоборот, соответствует утверждениям Ленина, сформулированным в его работе «К вопросу об явке на суд большевистских лидеров»:

«Если считать, что в России есть и возможно правильное правительство, правильный суд, вероятен созыв Учредительного собрания, тогда можно прийти к выводу в пользу явки.

Но такое мнение насквозь ошибочно. Именно последние события, после 4 июля, нагляднейшим образом показали, что созыв Учредительного собрания невероятен (без новой революции), что ни правильного правительства, ни правильного суда в [нынешней] России нет и быть (теперь) не может»⁴⁰.

Иными словами, Ленин был готов явиться на суд и доказать свою невиновность, но только при условии абсолютных гарантий безопасности, которые должны были быть предоставлены ЦИКом. А так как июльские события уничтожили двоевластие в пользу контрреволюции (что нашло себе подтверждение в словах Анисимова, «не знающего, в чьих руках будет завтра он сам»), то ни о каком суде до принципиального изменения политической ситуации не могло быть и речи. Об этом же говорит содержание письма Ленина, написанного 15 июля:

«Ни о какой легальной почве, ни даже о

таких конституционных гарантиях, которые существуют в буржуазных упорядоченных странах, в России сейчас не может быть и речи.

<...>

Учредительное собрание, если оно соберется и будет создано не буржуазией, — одно только будет правомочно сказать свое слово по поводу приказа Временного правительства о нашем аресте»⁴¹.

Так думал Ленин. Так думал и Сталин, считая ошибочной явку на суд в условиях временной победы контрреволюции. Они оба, скорее всего, понимали, что при условии успешной коммунистической революции вопрос о суде отпал бы сам собой, однако в тот конкретно-исторический момент они не могли отказаться от самой идеи суда, ибо в условиях усиления реакционной антибольшевистской пропаганды необходимо было отвечать готовностью публично опровергнуть клевету, попутно имея возможность выдвинуть собственные обвинения в сторону контрреволюции. Именно поэтому Сталин посчитал необходимым отметить возможность явки при наличии гарантий.

Кроме того, приписывать Сталину неверную оценку политического положения нелепо еще и потому, что он, во-первых, фактически руководил съездом (совместно со Свердловым) и, во-вторых, читал на съезде важнейшие доклады («Отчетный доклад ЦК» и «Доклад о политическом положении»), содержание которых, очевидно, было согласовано с Лениным⁴². Так, Сталин в своем заключительном слове к докладу о политическом положении утверждал:

«Теперь о двоевластии никто уже не говорит. Если ранее Советы представляли реальную силу, то теперь это лишь органы сплочения масс, не имеющие никакой власти. Именно поэтому невозможно “просто” передать им власть. Тов. Ленин в своей брошюре [“К лозунгам”] идет дальше, определенно указывая, что двоевластия нет, так как вся власть перешла в руки капитала...»⁴³

Эти его слова напрямую противоречат тому, что о позиции Сталина сказано в КПССной литературе:

⁴¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 34, с. 9.

⁴² К нему часто приезжали товарищи. Два раза был Сталин, несколько раз бывал Орджоникидзе. Навещали Владимира Ильича Дзержинский и Свердлов. Скромный шалаш на берегу Разлива был подлинным штабом революции» (Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в пяти томах, т. 2, 1979, с. 413).

⁴³ Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы, 1958, с. 143.

³⁹ Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы, 1958, с. 27-28.

⁴⁰ Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 32, с. 433.

«[Сталинская] оценка политического положения не учитывала того факта, что после июльских событий власть оказалась уже в руках контрреволюционной буржуазии»⁴⁴.

Иными словами, согласно версии послесталинских фальсификаторов, сначала Сталин на квартире Аллилуева настаивал на том, что в суд являться не стоит⁴⁵, с тем же заявлением выступил на Петроградской конференции, а затем внезапно на VI съезде выступил за явку на суд при определенных условиях, допустив, по словам оппортунистической профессуры, ошибку, чтобы чуть позже на том же съезде опровергнуть самого себя, заявив о власти в руках контрреволюции. Подобная путаница говорит о том, что в попытке опорочить имя Сталина КПССные фальсификаторы не удосужились сконструировать более или менее убедительную версию, подкрепив ее чем-то помимо одной-единственной, вырванной из исторического и политического контекста фразы Сталина. Судя по всему, расчет был сделан на то, что читатели поверят на слово клеветническим формулировкам о «неправильно оценившем ситуацию» Сталине, что подобная маленькая ложь отложится у читателя в голове, станет очередным небольшим пазлом в будущую картину Сталина как противника Ленина и антимарксиста. Таким образом, позиция Сталина, предполагающая допустимость суда при соответствующем правительстве, не противоречит, а, наоборот, дублирует, повторяет позицию Ленина. Нелепость КПССных обвинений в сторону Сталина становится еще более явной после сопоставления речи Сталина с речами других участников обсуждения. Так, Орджоникидзе, выступающий после Иосифа Виссарионовича, говорил:

«...Являться ли тт. Ленину и Зиновьеву на суд, — покажет будущее... <...> ...Мы должны приложить все усилия к тому, чтобы сохранить в безопасности наших товарищей до тех пор, когда будут даны гарантии справедливого суда»⁴⁶.

Очевидно, что никакого противоречия между содержаниями речей Сталина и Орджоникидзе нет. Однако КПССные авторы попытались искусственно разъединить Сталина и Серго: дело представляется таким образом, будто бы речь Орджоникидзе была отдельным, самостоятельным выступлением, не содержащим ошибок, подобных сталинским.

Вот как была преподнесена позиция Орджоникидзе после 1956-го:

«С докладом о явке В. И. Ленина на суд на съезде выступил Г. К. Орджоникидзе. Он подчеркнул, что нельзя ни в коем случае выдавать Ленина следственным властям»⁴⁷.

И никаких обвинений в ошибочной оценке политического положения.

В действительности же Серго фактически был СОДОКЛАДЧИКОМ Сталина по вопросу о явке⁴⁸. И, следовательно, выступление Орджоникидзе есть логическое продолжение выступления Сталина. Очевидно, что советскими фальсификаторами была предпринята попытка искусственно противопоставить позицию Орджоникидзе позиции Сталина: дескать, Сталин за явку при определенных условиях, а Орджоникидзе против при любых. Делается это только для того, чтобы отделить Сталина от Орджоникидзе⁴⁹. Но не одним Серго едины, ибо после него выступал Дзержинский:

«Товарищ, который говорил передо мною [то есть Орджоникидзе], выявил и мою точку зрения. Мы должны ясно и определенно сказать, что хорошо сделали те товарищи, которые посоветовали тт. Ленину и Зиновьеву не арестовываться»⁵⁰.

Из сказанного Дзержинским следует, что его позиция полностью совпадает с позицией Орджоникидзе. А раз позиции Орджоникидзе и Сталина тождественны (как было выяснено выше), то, следовательно, Феликс Эдмундович был согласен также и с выступлением Иосифа Виссарионовича. Заглянув же в КПССный учебник, можно обнаружить там формулировку, свидетельствующую о том, что у Дзержинского никаких ошибок, подобных сталинским, КПССные авторы не нашли:

«Ф. Э. Дзержинский заявил [на съезде], что партия большевиков не доверяет ни Временному правительству, ни буржуазии и полностью одобряет занятую Лениным позицию»⁵¹.

И опять же никаких обвинений в неправильной оценке политического положения. И кроме того, ни Орджоникидзе, ни Дзержинский не выступили против резолюции, предложенной Сталиным, что также подтверждает единство их позиций. К тому же, если позиция Дзержинского полностью совпадает с позицией Сталина, можно сме-

⁴⁴ История КПСС в шести томах, т. 3, кн. 1, 1967, с. 178.

⁴⁵ Слова Орджоникидзе о позиции Сталина на совещании у Аллилуева присутствуют и в изданиях после 1956 года. Следовательно, фальсификаторы не отрицали того, что Сталин 7 июля настаивал на неявке.

⁴⁶ Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы, 1958, с. 31.

⁴⁷ Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 34, с. 474.

⁴⁸ Орджоникидзе З. Г. Путь большевика, 1938, с. 26.

⁴⁹ С этой же целью Хрущевым была распространена информация о том, что Орджоникидзе-де покончил жизнь самоубийством по вине Сталина.

⁵⁰ Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы, 1958, с. 31.

⁵¹ История КПСС в шести томах, т. 3, кн. 1, 1967, с. 179.

ло утверждать, что Сталин, как и Дзержинский, тоже «не доверяет ни Временному правительству, ни буржуазии и полностью одобряет занятую Лениным позицию». Но тогда советским оппортунистам пришлось бы признать выдвинутое ими же самими обвинение (против Сталина) надуманным и ложным. Вообще же вся абсурдность предъявленных Сталину обвинений становится очевидна после минимального изучения партийных материалов, однако, как уже писалось выше, ставка советскими фальсификаторами была сделана на то, что люди, изучающие историю партии, не полезут читать документы и протоколы, а ограничатся официальной трактовкой событий. Впрочем, так и произошло.

Действительно оппозиционных взглядов на съезде придерживались Володарский, Мануильский и Лашевич, которые критиковали позицию Ленина и Сталина по явке. Вот что говорил Володарский:

«Политическая партия не может ставить вопроса так, как ставят его Ленин и Зиновьев в своем письме: они требуют, чтобы их судило Учредительное собрание.

<...>

Те, которые говорят о деле Бейлиса [например, сам Ленин], забывают, что дело Бейлиса было обвинением царского режима. И дело Ленина превратится в суд над Алексинским, Церетели и др. У нас все гарантии того, что наша партия выйдет победительницей из этого процесса»⁵².

То есть Володарский прямо говорит об ошибочности ленинской позиции по явке, попутно подтверждая тождество позиций Владимира Ильича и Иосифа Виссарионовича. С Володарским солидаризировались Мануильский и Лашевич, причем последний в своем выступлении также подчеркнул, что их группа выступает ПРОТИВ Ленина и ЗА явку:

«Сам Ленин говорит, что он не отдается в руки власти, потому что нет гарантий безопасности, и что, если Учредительное собрание будет создано не буржуазией, он явится на суд»⁵³.

Лашевич, на первый взгляд, неявно, но говорит о том, что позиция Сталина — это позиция Ленина, ибо последний готов явиться на честный суд,

организованный не буржуазией. Тем самым Лашевич, сам того не подозревая, разоблачает ложь советских фальсификаторов, сочиненную десятилетия спустя. Да и в целом вся группа Володарского выступает фактически против позиции не только Ленина, но и Сталина, призывая первого «не отсиживаться», а дать бой обвинителям.

По итогам съезда была принята резолюция, предложенная Бухариным.

Итак. Более подробный и тщательный анализ фактов свидетельствует о том, что обсуждение по вопросу о явке и неявке Ленина стало одним из примеров борьбы Сталина не только за взгляды, но и за жизнь своего учителя. От начала и до конца Сталин последовательно стоял на позиции неявки Ленина на суд, противостоя сторонникам явки. КПССные авторы предприняли попытку фальсифицировать позицию Сталина для того, чтобы затушевать его роль в деле спасения жизни Владимира Ильича. Казалось бы, мелочь, одно лживое предложение, но сколько таких предложений было разбросано по антисталинским книгам, сколько подобных предложений позаимствовано откровенными антикоммунистами, фашистами и националистами, либеральными и религиозными фанатиками, возводящими стройные здания своей антикоммунистической аргументации на фундаменте отдельных, частных и незначительных, на первый взгляд, фальшивок.

Стоит также отметить, что источники, разоблачающие ошибочную позицию Сталина, представляют из себя весьма распространенные научные пособия, из которых и по сей день часть коммунистов черпает знания об истории партии. Многие начинающие марксисты не всегда изучают историю партии по «Краткому курсу», рассчитывая найти в более поздней литературе большее количество информации: во-первых, «Краткий курс» заканчивается на 1937 году, тогда как та же «История КПСС» — на 1959-м, во-вторых, «История КПСС», вышедшая в пяти томах и восьми книгах, объемнее и детализированнее, чем «Краткий курс», вышедший в одной книге. Поэтому иногда начинающие товарищи, сами того не осознавая, отдают предпочтение менее научному, но более подробному пособию, попадая тем самым в ловушку антикоммунистической историографии.

Октябрь 2024

⁵² Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы, 1958, с. 32.

⁵³ Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы, 1958, с. 33.

ПОЛИТИКА

О забастовке рабочих «Боинга»

Анатолий РЕДИН

Большинство левых, к сожалению, являются экономистами. И не в смысле специальности, а в смысле оппортунизма. Они, сознательно или нет, но верят в «теорию стадий»: сначала пролетарий учится бороться за свои права и экономические интересы, за повышение зарплаты, улучшение условий труда и сокращение рабочего дня, а затем...

Правда, это «затем» никогда не наступает.

Наиболее деятельные и активные левые скатываются в тред-юнионизм, т.е. профсоюзничество. Наивные люди могут спросить, а что плохого в профсоюзах? Разумеется, ничего плохого в них нет, они банальная данность капитализма, как сам наёмный труд, конкуренция и деньги. И, кстати, коммунисты борются за общество, в котором не будет места, в том числе, и профсоюзам с их борьбой.

Левые не могут принять объективную реальность, что так называемая экономическая борьба пролетариата, *во-первых*, сама по себе классовой борьбой может считаться только номинально, формально, *во-вторых*, является совершенно нормальным, перманентным процессом буржуазного общества, составным элементом отношений капитала и труда. **Экономическое сопротивление пролетариата — стихийный процесс, порождаемый самой природой даже не эксплуатации, а обмена товара «рабочая сила» на деньги.** Ибо цена никогда не совпадает со стоимостью, а её колебания определяются различными факторами, в том числе соотношением спроса и предложения. Следовательно, *в-третьих*, если мы не наблюдаем открытых форм экономического

сопротивления (стачки, митинги, пикеты и другие организованные действия), значит, оно протекает в скрытых формах. Но не отсутствует! Так как пролетарий, равно как и капиталист, руководствуется своими интересами и старается выгоднее продать свою способность к труду.

В чём сущность экономического сопротивления пролетариата?

Откроем третью редакцию БСЭ:

«Экономическая борьба — это борьба за профессиональные интересы рабочих (повышение зарплаты, сокращение рабочего дня, улучшение условий труда и т. д.). Она противодействует наступлению предпринимателей на жизненные условия рабочих, подготавливает рабочих к борьбе за более широкие цели, способствует их революционному воспитанию и организации. В этой борьбе выросли профсоюзы, объединяющие в 70-х гг. 20 в. 250 млн рабочих во всём мире. Экономическая борьба, особенно в современных условиях, переплетается и перерастает в борьбу политическую. Число забастовок в странах развитого капитализма составляло в 1951-55 — 13211 (в среднем за год), в 1956-60 — 12790, в 1961-65 — 15323, в 1966-70 — 18650. С 1960 по 1970 в развитых капиталистических странах было 260 крупнейших общенациональных забастовок — значительно больше, чем за предшествующее десятилетие. Забастовщики предъявляют не только политические

требования, а борются за расширение демократических свобод, выступают против актов империалистической агрессии. Марксисты борются как против реформистов, пытающихся свести классовую борьбу пролетариата к экономической борьбе, так и против сектантской недооценки экономической борьбы».

С момента написания этих строк прошло уже более пятидесяти лет. Уже и СССР развалили, и капиталистический лагерь впадал несколько раз в масштабные кризисы. И как там, привёл к чему-то рост забастовок на том же Западе? Повысились революционное воспитание и организованность пролетариата? «Низшая форма классовой борьбы», наконец, начала перерастать в высшую? Какие достижения в плане борьбы за коммунизм показала «экономическая борьба пролетариата»? Переплелась с «жёлтыми жилетами»?

Так может, не так уж неправы эти сектанты со своей «недооценкой»? Может, всё-таки марксизм как доктрина победного мышления никогда и не стоял на позиции «середины», мол, боремся и с переоценкой, и недооценкой, «истина, как всегда, где-то посередине»?

Если верить автору этой статьи Г. Е. Глезерману, то сущность экономического сопротивления пролетариата состоит в том, что оно является подготовкой борьбы за коммунизм, первоначальным этапом классовой борьбы. Значит, согласно логике такой позиции, «экономическая борьба» содержит в себе в зачаточном виде всё то, что и составит коммунистическую революцию. Нужно ли доказывать, что это оппортунистический вздор и та же

«теория стадий» в иных выражениях?

Перейдём к конкретике, к поводу для написания данной заметки. Громкое событие случилось в США, главная мировая новость рабочей борьбы — работники «Боинга» объявили забастовку. 13 сентября 2024 г. более 30 тыс. рабочих не вышли на смену, так как профсоюз не согласовал новый проект колдоговора. Руководство «Боинга» предлагало рабочим повышение зарплаты на 25% в течение

четырёх лет и единовременную выплату каждому в размере \$3000. Причём профбоссы согласовали данный проект, однако 96% рабочих проголосовало против, за стачку. Рабочие

выдвинули требование: повышение на 40% и более высокие подьёмные. Забастовка больно ударила по капиталистам, производство гражданских лайнеров 737 Max, 767 и 777 остановилось, корпорация несёт баснословные убытки за каждый день простоя. В дело уже вмешалась администрация Байдена. Новое предложение от руководства: 35%, годовой бонус не менее 4% и \$7000 подьёмных. Голосование рабочих состоится 23-го числа, и, скорее всего, они его примут.

Почему рабочие «Боинга» такие смелые и отважные, а наши ничего не могут и не хотят? Таким вопросом обычно задаются типичные левые. Правда, бастующим не особо интересно, что «Боинг» в связи с этим уволит 17 тыс. других рабочих. Но тут, как говорится, своя рубашка ближе к телу. И никто из экономистов почему-то не обвиняет бастующих в отсутствии солидарности со своими братьями по классу. А ещё в воздухе висит вопрос, почему бастующие 16 лет смирно работали, а сейчас забастовали? Что послужило причиной и поводом?

Проблематика соотношения открытых, стачечно-митинговых и скрытых форм экономического сопротивления кроется вовсе не в субъективном факторе, не в смелости, отважности, организованности и т. д. пролетариев. **Рабочие, служащие, инженеры идут на забастовку тогда, когда чувствуют свою силу, чувствуют, что есть условия продавить работодателя.**

И как видно на примере работников «Боинга», одна группа рабочих довольно легко выбивает прибавку в 35%, а другая проследует на

биржу труда. И такая разная судьба этих людей не связана с тем, что кто-то умеет бороться за свои права и интересы, а кто-то не умеет.

Дело здесь в том, что **сущность экономического сопротивления пролетариата состоит в том, что оно является банальным актом торговли.** Разница между торгом кандидата на собеседовании и забастовкой только в коллективности последней, которая усиливает позицию наёмного труда.

Если пролетарий на собеседовании чувствует в себе силы выдвинуть требования по зарплате и условиям труда, притом объективное состояние рынка труда к этому располагает, то так оно в среднем и будет. Но если предложение превышает спрос, то это вызовет только хохот со стороны представителя работодателя. Так же примерно работает и профсоюзничество.

В конце XIX — начале XX вв. стачечное движение было настолько распространено, что можно сказать, отношения капитала и труда в Европе и Америке только «настраивались». Шла масштабная борьба за выяснение пределов отклонения цены рабочей силы от её сто-

имости. Насколько можно выжать пролетария? Такой нажим на рабочих вызывал ответную реакцию, стачки следовали за стачками, митинги за митингами. И всё это было сопряжено с террором и политизацией рабочих. Разумеется, в этих условиях коммунисты ставили себе целью соединение пролетарского движения (какое бы оно ни было) с марксизмом. Иными словами, марксисты знакомили бастующих, воз-

мущающих рабочих и митингующую за демократические требования интеллигенцию с действительными

целями прогресса, средствами и путями движения общества к коммунизму. Таким образом, некоторые становились в ряды коммунистов, а прежде всего коллективы промышленных, как наиболее образованных, рабочих выражали партии поддержку и готовность поддержать революцию. Естественно, «овладение» коммунистами тем или иным профсоюзом или руководство той или иной стачкой тоже было прекрасным приобретением и средством уже политической борьбы. Но не так, как это сегодня представляют левые, что коммунист должен рядиться в одежды профсоюзника.

Короче говоря, экономическое сопротивление пролетариата в открытых, организованных профсоюзно-забастовочных формах являлось *поводом* к распространению марксизма, усилению партийного влияния иковки кадров, а организация рабочих была *удобным местом* для пропаганды и агитации.

Сейчас же, как видно, условий для открытых форм экономического сопротивления стало меньше, поэтому стало меньше забастовок, а профсоюзная организованность уже не вы-

глядит особым преимуществом и не представляет особого удобства как раньше. Сегодня гораздо проще общаться с пролетариями напрямую через интернет (издавать газету, вести соцсети, блоги и т. д.). В общем, ситуация и условия немного поменялись. Но, разумеется, это не значит, что не стоит вести пропаганду марксизма в профсоюзах. Пробовать нужно работать по-всякому. Вопрос в другом: в господстве экономизма в головах левых.

Итак. Вот в США есть настоящие успешные бастующие рабочие. Они грамотны, высококвалифицированы, организованы, знают себе цену. Причём их много — более 30 тыс. человек, целая пролетарская армия, можно хоть сейчас идти и брать штурмом «Белый». Короче, по всем параметрам экономистов о такой ситуации можно только мечтать.

Однако в реальности с точки зрения борьбы за коммунизм забастовка рабочих «Боинга» ничего не значит. Никакие марксисты, хоть самые правильные, не интересуют этих рабочих. Даже если направить к ним прорывский десант, это ничего не меняет. Потому что их интересует процент прибавки к зарплате, а не коммунизм.

Можно, конечно, посчитать, что бастует в «Боинге» рабочая аристократия и поэтому «не считается», но в реальности «рабочая аристократия»-то как раз не бастует, а находится в сговоре с буржуазией и жирует.

Важно понимать, что **профсоюзная, стачечная, митинговая активность не означает, что задействованные в них люди автоматически более предрасположены к марк-**

сизму или кровно заинтересованы в коммунизме. Некоторая ориентация на таких людей в прошлом была обусловлена двумя вещами: *во-первых*, тем, что те, кто уже что-то делает, легче на подъём, *во-вторых*, что эти люди были, как правило, более просвещёнными и грамотными, чем безмолвное большинство. Сегодня эти признаки куда менее значимы.

Собственно, и в России периодически вспыхивают забастовки, протесты и конфликты из-за зарплат и условий труда. В зависимости от ситуации они получают различные разрешения. И у нас пока никому не удалось привлечь к марксизму хоть какую-то часть недовольных. И это не потому, что мы бесталаннее по сравнению с большевиками (хотя это и так), а потому, что у протестных пролетариев, «внезапно», сами собой не созревают потребности к коммунизму, а настойчивость с нашей стороны не даёт плодов.

Первое, о чём следует задуматься: почему рабочие не проявляют предрасположенность к коммунизму? Скорее всего, потому что голые идеи мало кого интересуют. Если бы мы, прорывцы, представляли собой сильную организацию, грозную хотя бы с точки зрения организованности, воли и кадрового состава силу, то ситуация могла бы быть иной. Нам до уровня большевиков даже образца 1903 г. довольно далеко.

Нужно не надеяться на «экономическую борьбу», а ковать кадры, укреплять нашу организацию, развивать теорию, вести глубокую и умную пропаганду, обеспечивая тем самым рост рядов и сторонников.

Октябрь 2024

ИСТОРИЯ

Реабилитация**Диалектика права**Николай ФЕДОТОВ

Одним из излюбленных полемических приемов антикоммунистов является подчеркивание факта, что «преступления Сталина» были изобличены самими коммунистами. Дескать, именно советское государство, советская судебная система признала незаконным осуждение громадного количества людей в ходе, так называемой хрущевской «реабилитации».

Однако здесь налицо непонимание антикоммунистами всех мастей диалектики права.

Итак, что есть право? Довольно часто через словесную форму просвечивается сущность понятия. Однокоренными со слову «право» являются такие слова, как «управлять», «править», «правый», «правильный». Примечательно, что и в английском языке слово «право» (right) пишется точно так же, как слова «правильный» и правый (в смысле «правая рука»). Правая рука — наиболее сильная, «править» — по сути, применять силу, «правый» — на чьей стороне право (силы), «управлять» — вынуждать, посредством применения силы. Поэтому такая форма отношений между людьми, как право, по сути, сводится к подавлению «слабых» «сильными», навязыванию слабому большинству порядка, установленного сильным меньшинством; порядка, являющегося правильным, с точки зрения, сильных, которые, при этом, в меньшинстве (иначе, зачем им силой навязывать свою волю?).

Отношений права не могло быть в обществе первобытного коммунизма, где все были одинаково бессильны перед не познанными силами природы и им подчинены. Отношений права не может быть в условиях полноценного коммунизма — технологически развитом обществе равных в своем высоком уровне развития людей, где нет материального неравенства, а движущей силой развития общества становится наука, где законы развития общества познаны и являются, по сути, единственными законами, определяющими общественную практику.

Почвой для возникновения отношений права

является классовое, на отношениях частной собственности основанное общество, в котором возникает государство. Право без государства не существует, как ни одно государство не существует без права. Источником права является правящий класс. При помощи правовой системы правящий эксплуататорский класс провозглашает свои интересы общественными и жесточайшим образом карает за покушения на власть своего класса.

Общество, где господствуют отношения частной собственности, есть общество неравенства, перманентной войны всех против всех. Там, где есть собственность, есть и те, кто от нее отчужден, и те, у кого ее меньше, чем у других. Отношения частной собственности, таким образом, есть источник, по сути, не человеческих, а звериных, конкурентных отношений между людьми. Их правящий класс тоже регулирует при помощи правовой системы, карая такие формы звериных отношений между индивидами, которые считает опасными для себя. Но на деле же, правовые отношения в обществе и есть те самые звериные отношения. В будущем коммунистам хорошо бы уделить должное внимание идее дискредитации правовых отношений в глазах масс. Правовые институты даже на уровне терминов должны вызывать у масс лишь отвращение.

Однако в правовом регулировании правящий класс проявляет поразительное лицемерие. К примеру, убийство одного наемного раба другим наемным рабом признается преступлением и карается, поскольку этим самым наемный раб, во-первых, посягает на монополию на насилие (принадлежащую только эксплуататорам) и, во-вторых, лишает эксплуататора права возможности высасывать прибавочную стоимость из убитого наемного раба в течение всей его жизни. В то же время, если наемный раб восстает против эксплуататора, и его убивает, к примеру, полицейский, то такое убийство уже не карается по закону или карается не строго. Убийство же одними наемными рабами

других наемных рабов на войне и вовсе называется «защитой родины».

То же самое и, к примеру, с мошенничеством. Каждый предприниматель похищает жизненное время наемного работника обманным путём. Он не объявляет ему сколько прибыли приносит его наемный труд и какая доля перепадает работнику в виде зарплаты, а какую забирает капиталист. Он откровенно врет ему о причинах роста цен. Но такое мошенничество, жертвами которого являются миллиардные трудящиеся массы, преступлением не считается.

Апологеты капитализма объявляют право источником равенства. Дескать, все равны перед законом. На деле же, наоборот, право есть и следствие социального неравенства, и инструмент сохранения этого неравенства. Буржуазная правовая система всегда такова, что представители имущих классов уравниены с представителями не имущих лишь на бумаге. На деле правовой механизм таков, что решающее значение имеет уровень материального благосостояния сторон.

К примеру, все, якобы, равны перед судом, но не все равны перед адвокатурой. Хороший адвокат стоит хороших денег. Как правило, такой адвокат знает, кому и сколько надо дать, чтоб развалить или выиграть дело. И нас не должны здесь смущать случаи посадки представителей крупного капитала. Там, как правило, совсем другая ситуация. Сам класс капиталистов карает наиболее зарвавшихся своих представителей и подпитывает в массах иллюзию, будто перед законом все равны. На деле же правовая система капиталистов всегда служит тому, кто богаче.

Неверным является и утверждение, будто правовая система служит интересам, в том числе, трудящихся масс, карая преступников. Прежде всего, право охраняет отношения частной собственности. А именно отношения частной собственности, порождающие социальное неравенство, есть источник абсолютно всех преступлений.

Когда нанятый одним предпринимателем убийца стреляет в его конкурента, эта взаимосвязь лежит на поверхности. Но отношения частной собственности есть причина и любой пьяной поножовщины. Ведь все конфликты между людьми есть конфликты между людьми, являющимися продуктом тех общественных отношений, в которых они воспитаны. Проще говоря, голова любого алкаша, ударившего ножом соседа, есть продукт общественных отношений. А общество, где господствуют отношения частной собственности, насили-

ем пропитано, насилие является его объективным законом. Отсюда все преступления, связанные с насилием над личностью.

Предприниматель насилует работника, присваивая его рабочее время за зарплату. Работник, обвешанный кредитами, понимая свою полную зависимость от предпринимателя, топит свои проблемы в алкоголе, применяет насилие к сыну-двоечнику или его матери. Насилие таким образом впитывается с младых ногтей, а потом применяется на практике.

Все преступления, связанные с имуществом и обманом, тоже есть продукт отношений капиталистического общества, на лжи построенного. Лжет предприниматель, якобы выплачивающий работнику ровно то, что тот «заработал». Лжет реклама с телеэкранов, лгут маркетологи и пиарщики. Лгут буржуазные политики и пропагандисты.

И воровством капиталистическое общество пропитано. Предприниматель ворует прибавочную стоимость, выплачивая лишь зарплату, потом ворует уже из зарплаты, повышая цены, ухудшая качество продуктов, уменьшая упаковку. Наемный работник видит, что воровство — путь к богатству, потому не видит в нём ничего предосудительного. Охраняя отношения частной собственности при помощи права, класс капиталистов сохраняет условия для такой формы взаимоотношения между людьми, как насилие.

Итак, право появляется там, где возникает государство, и отмирает там, где отмирает государство. Государство диктатуры рабочего класса, существующее на первой стадии коммунизма, является отмирающим государством, то есть оно призвано направлять государственное принуждение на создание условий для своего отмирания. Главное условие такого полного отмирания - уничтожение отношений частной собственности. Следовательно, и право эпохи первой стадии коммунизма является отмирающим правом, и оно тоже призвано создавать условия для своего отмирания, то есть беспощадно карать то, что тащит общество назад в капитализм, способствовать формированию нового человека, созданию условий всеобщего равенства, где говорить о праве уже нет ни малейшего смысла. Но это, как говорится, в общих чертах...

Реализовать всё это на практике — очень сложная задача. Поэтому очень важно проанализировать советский опыт построения первой стадии коммунизма и сделать верные выводы на будущее. Это тема для большой отдельной работы, поэтому в рамках данной статьи затрону лишь некоторые

аспекты.

После победы революции у большевиков не было готовой теории отмирания права для первой стадии коммунизма. В обществе были сильны демократические иллюзии, поэтому отбросить все буржуазные правовые институты (конституция, кодексы, суды, адвокатура, прокуратура и т.п.) не представлялось возможным, приходилось наполнять их новым содержанием.

Фактически диктатура рабочего класса на первой стадии коммунизма получила «в наследство» от капитализма буржуазную правовую систему, которую следовало сломать, создать на ее месте новую, направленную на решение задачи построения коммунистического общества.

Прежде всего, большевики озаботились созданием новой законодательной базы. В самые первые годы Советской власти, когда старые законы были отменены, их заменили декреты. По окончании Гражданской войны дело дошло до издания кодексов законов. Так, в 1922 г появился первый Уголовный кодекс РСФСР. В его преамбуле сообщалось, что он вводится

«В целях ограждения рабоче-крестьянского государства и революционного правопорядка от его нарушителей и общественно-опасных элементов и установления твердых основ революционного правосознания».

Уже здесь мы видим серьезные отличия от буржуазного уголовного кодекса. Для сравнения, вот что сказано о задачах современного уголовного кодекса капиталистической РФ.

«Задачами настоящего Кодекса являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений».

Уже здесь мы видим серьезные отличия.

Первое. В буржуазном кодексе на первое место поставлены «права и свободы человека и гражданина». Но, как мы знаем, в условиях диктатуры буржуазии права, прежде всего, есть у нее. То есть понятно, у кого прав и свобод больше.

В советском УК на первое место поставлена защита рабоче-крестьянского государства и революционного правопорядка, то есть научно обоснованная задача. Коммунистам не зачем скрывать

классовый характер своего государства. Поэтому прямо и объявлено, что защищаться будет ранее эксплуатировавшееся большинство. Здесь интересно еще и слово «правопорядок». Это не права граждан, а порядок в интересах большинства, обеспечивающийся правовыми институтами.

Второе. В буржуазном кодексе провозглашается охрана собственности. Это и есть его основная цель, а даже не защита «прав гражданина».

В советском УК о собственности в преамбуле нет ни слова, что подчеркивает отрицательное отношение коммунистов к частной собственности как таковой. Вопрос охраны собственности намеренно выведен за рамки кодекса. Хотя, конечно, статьи за имущественные преступления сохраняются. Но суть советского права в том, что оно отмирающее, а отмереть оно может не иначе как через уничтожение отношений собственности. Поэтому провозглашать целью охрану собственности совсем уж не уместно.

Третье. В буржуазном кодексе не могло быть такого понятия как «контрреволюционные преступления». В советском кодексе им посвящена целая глава. В ней, опять же, научным путем, определен круг преступлений, наиболее опасных для самого существования рабоче-крестьянского государства. И, кроме того, в преамбуле сказано, что рабоче-крестьянское государство будет защищаться не только от тех, кто преступления уже совершил, но и от общественно-опасных элементов. И в этом тоже видна сущность советского права как инструмента диктатуры рабочего класса.

Появляется в советском уголовном праве и новая терминология. К примеру, термин «народный суд» подчеркивает, что решения он должен принимать в интересах большинства народа, термин «мера социальной защиты» подчеркивает, что на первом месте именно защита общества от угрозы, а не наказание самой личности преступника, не месть.

Однако дело в том, что написать кодекс, определить в нем правильные цели и задачи, к сожалению, мало. Есть право, а есть правоприменительная практика. И здесь большевики столкнулись с той же, кадровой проблемой, которая преследовала их всё время существования СССР.

Да, на сторону советской власти перешли многие толковые работники буржуазной правовой системы. Многие из них даже служили советской власти вполне искренне, разоблачая и карая врагов коммунизма. Другое дело, что по-настоящему образованных марксистов среди этих людей практи-

чески не было. Поэтому выявлять и карать воров, убийц и бандитов, осуждать их по закону — получалось. А когда дело касалось борьбы с контрреволюцией, где уже требовались не просто аналитические способности, не выходящие за рамки формальной логики, а еще и понимание диалектики классовой борьбы в текущий момент, следствием и оценкой меры вины приходилось заниматься чуть ли не лично товарищу Сталину. Во всяком случае, НКВД регулярно подавало в Политбюро сводки о ходе следствия по важным делам о контрреволюционных организациях, а Политбюро вынуждено было направлять работу следователей и судей.

Уровень научно-теоретической подготовки сотрудников НКВД, судей и прокуратуры оставлял желать лучшего. Антикоммунисты до сих пор ставят в вину Сталину то, что он вмешивался в работу следователей и судей, что, якобы, было «незаконно». На самом же деле Сталин понимал, что буржуазные правовые институты достались советской власти практически в неизменном виде, а потому заставить их служить делу коммунизма очень непросто. Для этого придется убирать из права то, что препятствует бороться с контрреволюционерами.

Взять, к примеру, такой принцип буржуазного судопроизводства как принцип свободного судебного решения. Он означает, что судья в своем решении руководствуется принципом «внутреннего убеждения», выработавшегося после изучения всех обстоятельств дела, но не противоречащего нормам закона. Но ведь в таком случае с судей нужно требовать очень серьезной марксистской научно-теоретической подготовки. В противном случае, судьи и их решения должны находиться под жестким партийным контролем, и ни о какой «независимости» судей речи быть не может. Суд должен быть не просто народным, но партийным. На смену принципу свободного судебного решения встает принцип партийности судей, то есть необходимости принятия ими решений, служащих делу коммунизма, то есть решений высочайшего научного качества, решений, отражающих объективную истину.

Или другой принцип - «закон не имеет обратной силы». Еще одна «священная корова» буржуазного права. Закон, прежде всего, должен карать классовых врагов и помогать коммунистическому строительству. Если, к примеру, совершенное деяние нанесло такой ущерб делу коммунизма, мера которого действовавшим на момент его совершения законом определялась неверно, то наказание

должно быть адекватно мере ущерба, а не юридическим формальностям.

Или взять пресловутую «презумпцию невиновности». Тот принцип, который провозглашает невиновным всякого, чья вина не доказана. Но ведь, к примеру, если человек, настроенный откровенно контрреволюционно, был неоднократно замечен в обществе таких же контрреволюционеров, готовивших заговор против советской власти и пойманных за руку, то вина этого контрреволюционно настроенного человека не требует доказательств. Правильнее как раз с него запросить доказательства того, что он у них просто закурил несколько раз.

Формализм буржуазного права обусловлен, во-первых, необходимостью представить право, как нечто, стоящее над классами, перед чем, якобы, все равны. Именно поэтому провозглашается «равенство всех перед законом», а правовые нормы прописаны так, будто они касаются всех одинаково. Таким образом буржуазия оболванивает массы, побуждая их играть, якобы, по общим для всех, но на деле её — буржуазии — правилам.

Во-вторых, формализм буржуазного права обусловлен необходимостью в рамках этого декларируемого равенства реализовывать преимущество крупного собственника перед мелким, а мелкого перед наемным работником. Реализуется это, к примеру, при помощи приоритета соблюдения процессуальных процедур над доказательной стороной дела. Ведь если доказательства получены с нарушением процессуальных норм (соблюдения которых не всегда возможно или не всегда целесообразно), то они во внимание судом не принимаются.

Вспоминается известный эпизод из кинофильма «Место встречи изменить нельзя», когда подброшенный Жегловым карманнику Сапрыкину украденный им же ранее кошелек был «правозащитником» Шарповым назван грубым нарушением. Но в результате действий Жеглова карманник поехал на зону, и это главное. А соблюдение правовых норм привело бы к тому, что рецидивист Сапрыкин гулял бы на свободе.

В отмирающем праве первой стадии коммунизма этот формализм необходимо преодолеть. На смену формализму должна прийти наука. Формализм буржуазного права возник в условиях материального неравенства, ненаучности общественного устройства и общественного сознания. В силу этого, к примеру, в рамках буржуазного права вопрос научной оценки социальной вредности того или иного деяния не ставится в принципе.

В право первой стадии коммунизма, наоборот, вносится элемент научности. Но постановка права на научные рельсы уже есть по сути отрицание права. На место необходимости сопоставлять то или иное деяние с теми или иными статьями того или иного кодекса приходит необходимость научного подхода к каждому конкретному деянию и принятия научно обоснованного судебного решения. По мере замены формализма научным подходом, право решает задачи коммунистического строительства, а не просто карает врагов советской власти.

Однако замена формализма в праве научным подходом не происходит изданием декрета. Эта задача решается роста научности общественного сознания на базе обобществления производства и ликвидации материального неравенства. Только успешная борьба с отношениями частной собственности и построение бесклассового общества на научной основе окончательно уничтожает почву для правовых отношений.

И ведь, действительно, в обществе всеобщего равенства высокообразованных людей насилие и агрессия будут считаться дичайшим отклонением от нормы, а причины подобного поведения будут исследоваться в рамках психиатрии.

Но вернемся к советскому опыту построения первой стадии коммунизма. В сталинский период, несмотря на сохранение формализма права, определенные шаги в направлении соединения права с наукой все же были сделаны. И это именно то, на что обрушиваются с критикой антикоммунисты всех мастей, считая подобные явления «нарушением правовых принципов».

Вообще, интересная закономерность. Любая контрреволюция сопровождается воплями о «законности», «торжестве права», «правовом государстве», «правах человека» и прочей галиматье. Антикоммунисты рвут глотки, обвиняя Сталина в пренебрежении правовыми нормами, в нарушении законов, и, с другой стороны, хвалят Хрущева за «восстановление законности», словно понимая, что присущий праву формализм ведёт в противоположную от коммунизма сторону.

Приведу несколько примеров.

Во-первых, Сталина обвиняют во вмешательстве в дела следствия и суда. Дескать, следствие и суд должны быть «независимы», а Сталин тщательно следил за следствием по очень многим делам и давал указания следователям, в каком направлении работать, а судам — какие выносить решения. Зараженный антикоммунизмом мозг не в

силах понять, что право первой стадии коммунизма есть отмирающее право; право, соединяемое с наукой. Поэтому задача следствия и суда — выявление объективной истины, а не «соблюдение правовых норм».

Но беда в том, что, к сожалению, у большевиков вообще было плохо с кадрами. Из более-менее толковых теоретиков советского права можно выделить, разве что, Вышинского, а из тех, кто возглавлял органы госбезопасности, разве что, Дзержинского и Менжинского. Большая доля следователей и судей либо принадлежали к старой, буржуазной школе, либо были воспитаны буржуазной же профессурой. Они умели вычислять и ловить преступников, соблюдать процессуальные нормы, выносить приговоры по формальным признакам. Но когда дело доходило до преступлений контрреволюционных, и следствие и суд велось из рук вон плохо либо в силу их низкого научно-теоретического уровня, либо в силу тщательно скрываемого антикоммунизма. Их квалификации хватало для того, чтоб ловить открытых контрреволюционеров. А вот разглядеть опасность троцкизма они не смогли. Расследовать уход троцкистов в террористическое подполье, связанное с иностранными разведками, им пришлось лишь по прямому указанию Сталина. Не мудрено, что и определенная доля следователей и высших руководителей ОГПУ-НКВД... сами оказались связаны с троцкистским террористическим подпольем.

Если почитать речи Ягоды, Ежова, не говоря уже о руководителях рангом пониже, то бросается в глаза их полная политическая (и не только) безграмотность. Не мудрено, что того же Ягуду занесли в лагерь заговорщиков. Дело Ежова - до сих пор тайна за семью печатями, но, судя по сохранившимся документам, он, по всей видимости был причастен к заговору маршала Егорова. Врагом оказался и министр МГБ Абакумов...

Судьба ряда высших руководителей органов госбезопасности есть доказательство не маниакальной подозрительности Сталина, а острейшей классовой борьбы в сфере права, в которой низкое качество научно-теоретической марксистской подготовки даже высших руководителей органов госбезопасности играло на руку буржуазии. А то и вовсе буржуазии удавалось подкупать этих руководителей. При этом все эти руководители вполне могли обладать определенным набором профессиональных качеств, позволявших им до поры до времени приносить делу коммунизму больше пользы, чем вреда.

Выполнение задачи соединения права с наукой с целью постепенного «изживания» права тормозилось вопиющей научно-теоретической безграмотностью исполнителей, которых приходилось держать в рамках закона, дабы не наломали дров. Скрытые и открытые антикоммунисты рассматривают вмешательство Сталина в правовые вопросы как нечто предосудительное. На самом же деле, разрушение правового формализма с позиций марксистско-ленинской науки имело очень ограниченный характер именно в силу того, что только Сталин понимал, что нужно делать для отмирания права. Было бы гораздо лучше для дела коммунизма, если бы этот правовой формализм с научных позиций мог бы преодолеваться и на местах. Но достаточно грамотных кадров для этого просто не было. А там, где кадры безграмотны, растет значимость формальных механизмов, а, следовательно, правовые отношения не отмирают, а усиливаются, то есть усиливается и классовый враг.

Во-вторых, Сталина обвиняют в принятии судами «незаконных» судебных решений, когда, к примеру, за шпионаж осуждали тех, чья связь с иностранными разведками не была доказана. Или же когда виновников «несчастных случаев» признавали совершившими преступление по злому умыслу, а то и вовсе иностранными шпионами.

На деле же, и здесь мы видим проявление соединения права с наукой. Когда в рамках одного предприятия или одной производственной цепочки происходит несколько «несчастных случаев» или якобы случайных аварий, формально-законных доказательств существования вражеской организации, в общем-то, и не требуется. Особенно, если вскрывается, что ответственные лица ранее принадлежали к троцкистской оппозиции или просто были враждебно настроены против советской власти. Ну а то, что диверсии на объектах, имеющих оборонное значение, в условиях обостряющейся международной обстановки, являются, по сути, шпионажем и изменой родине — само собой разумеется. И не нужны тут никакие явки и пароли...

В-третьих, Сталина обвиняют в том, что он, якобы, уничтожил «ленинскую гвардию», осужденную на так называемых «Московских процессах». И на этих процессах, якобы, не было предъявлено ни одного вещественного доказательства связи подсудимых с иностранными разведками и их террористических намерений. Господа антикоммунисты, будучи не в силах преодолеть формализма буржуазного права, вопят о «нарушении законности». Хотя, на самом деле, если речь идет о

шпионской, заговорщической деятельности, то вещдоков просто может и не быть. Вряд ли директивы Троцкого, если они и фиксировались на бумажном носителе, бережно хранились в сейфе. Скорее всего, они уничтожались сразу же по прочтению, а то и вовсе передавались устно. Во многих советских шпионских фильмах сотрудники КГБ бьются над тем, как бы поймать шпиона с личным. Когда давно доказано и всем понятно, что он шпион. Но, видите ли, формальности соблюсти надо. Так вот в праве эпохи первой стадии коммунизма подобные формальности неуместны, ведь его задача — оградить общество от преступников и, в частности, от шпионов.

«Московские процессы» примечательны тем, что всю эту троцкистско-фашистскую агентуру, позже названную Хрущевым «ленинской гвардией», разоблачили настолько безупречно-доказательно (причем безо всяких вещдоков), что справедливость суда и приговора не вызвала сомнений даже у большинства делегированных на суд представителей капстран.

Весь сталинский период советское право было полем ожесточенной классовой борьбы. С одной стороны, под руководством Сталина право ставилось на научную основу (то есть нормы права приводились в соответствие объективным законам развития общества), преодолевался формализм и создавались условия для отмирания права как института. С другой стороны, низкое качество кадров в правоохранительной системе тормозило отмирание права и приводило к усилению формализма.

С одной стороны, классовая борьба по мере продвижения к коммунизму усиливается, враг все более свирепеет, его методы становятся всё более изощренными. Ловить и обезвреживать этих врагов необходимо, а для этого нужны кадры. Где их было взять в достаточном количестве, да еще и достаточно политически грамотных?

С другой стороны, низкое качество кадров тормозило отмирание института права через его перевод на научную основу и заставляло развивать формальные правовые механизмы, для смягчения идиотизма исполнителей. На уровне пропаганды советским людям внушалась необходимость уважать советские законы и правовые учреждения. Вся советская правовая система, при этом, по своей форме мало чем отличалась от буржуазной. Те же суды, прокуратура, адвокатура и т. п.

А вот о том, что право должно отмирать по мере роста научности общественного сознания, что правовые отношения противоположны коммуни-

стическим, к сожалению, массам ничто не напоминало. Во многом, именно в силу этого хрущевцам удалось обвести массы вокруг пальца рассказами про «нарушения социалистической законности», якобы, допущенные Сталиным. По сути, хрущевцы воспользовались формализмом правовой системы в интересах борьбы с коммунизмом. Они просто вполне правовым путем издали новые законы и вполне «законно» выпустили на свободу сотни тысяч антикоммунистов, которые были, якобы, «незаконно осуждены».

Впрочем, даже с соблюдением советской законности у хрущевцев были серьезные проблемы. Они действовали откровенно топорно. Понятно, что их правовая эквилибристика вторична, а первично то, что в итоге не просто вышли на свободу, а были восстановлены в правах, получили право занимать ответственные посты откровенные враги коммунизма. Однако все же имеет смысл подробнее остановиться на этой хрущевской законотворческой практике. Ведь она наглядно демонстрирует, во-первых, принципиальную пригодность советского права для нужд контрреволюции и, во-вторых, готовность контрреволюции нарушать правовые нормы, коли они противоречат ее целям.

«Реабилитация»: начало

Часто начало так называемой «реабилитации» приписывают Берии. Однако это неверно. До своего ареста Берия, от силы, мог иметь отношение лишь к освобождению довольно небольшого количества лиц, к примеру, жены Молотова Жемчужиной, ряда арестованных по делу Абакумова сотрудников МВД, группы-террористов врачей и ряда других лиц из числа военнослужащих и научно-технической интеллигенции.

В период до ареста Берии был издан указ «Об амнистии». В данном указе от 27 марта 1953 года сообщалось:

«Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Освободить из мест заключения и от других мер наказания, не связанных с лишением свободы, лиц, осужденных на срок до 5 лет включительно.

2. Освободить из мест заключения осужденных, независимо от срока наказания, за должностные и хозяйственные преступления, а также за воинские преступления, предусмотренные ст. ст. 193.4 п. а,

193.7, 193.8, 193.10, 193.10 п. а, 193.14, 193.15, 193.16 и 193.17 п. а Уголовного Кодекса РСФСР и соответствующими статьями уголовных кодексов других союзных республик. [см. тут

<https://docs.cntd.ru/document/901757374> –

Федотов]

3. Освободить из мест заключения, независимо от срока наказания, осужденных: женщин, имеющих детей в возрасте до 10 лет, и беременных женщин; несовершеннолетних в возрасте до 18 лет; мужчин старше 55 лет и женщин старше 50 лет, а также осужденных, страдающих тяжелым неизлечимым недугом.

4. Сократить наполовину срок наказания осужденным к лишению свободы на срок свыше 5 лет.

5. Прекратить производством все следственные дела и дела, не рассмотренные судами, о совершенных до издания настоящего Указа преступлениях:

а) за которые в законе предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет или другие меры наказания, не связанные с содержанием в местах заключения;

б) должностных, хозяйственных и воинских преступлениях, перечисленных в «статье 2» настоящего Указа;

в) совершенных лицами, указанными в статье 3 настоящего Указа.

По другим делам о преступлениях, совершенных до издания настоящего Указа, за которые в законе предусмотрено лишение свободы на срок свыше 5 лет, суд, если признает необходимым избрать меру наказания в виде лишения свободы не свыше 5 лет, освобождает подсудимого от наказания, если же суд признает необходимым избрать меру наказания в виде лишения свободы на срок свыше 5 лет, — сокращает срок наказания наполовину.

б. Снять судимость и поражение в избирательных правах с граждан, ранее судимых и отбывших наказание или досрочно освобожденных от наказания на основании настоящего Указа.

7. Не применять амнистии к лицам, осужденным на срок более 5 лет за контрреволюционные преступления, крупные хищения социалистической собственности, бандитизм и умышленное убийство.

Признать необходимым пересмотреть

уголовное законодательство СССР и союзных республик, имея в виду заменить уголовную ответственность за некоторые должностные, хозяйственные, бытовые и другие менее опасные преступления мерами административного и дисциплинарного порядка, а также смягчить уголовную ответственность за отдельные преступления» (https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A3%D0%BA%D0%B0%D0%B7_%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D0%B4%D0%B8%D1%83%D0%BC%D0%B0_%D0%92%D0%A1_%D0%A1%D0%A1%D0%A1%D0%A0_%D0%BE%D1%82_27.03.1953_%D0%BE%D0%B1_%D0%B0%D0%BC%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B8)

Как мы видим, ни о какой «реабилитации» здесь речь не идет. Речь идет лишь об амнистии, то есть о смягчении ответственности или освобождении из-под стражи. Амнистия ни в коем случае не предполагает признания неправильными вынесенных советскими судами приговоров и оправдания осужденных. Более того, в пункте 7 специально оговорено, что к лицам, осужденным за контрреволюционные преступления к срокам более 5 лет, амнистия применяться не должна.

В документах, подписанных Берией слово «реабилитация» встречается, разве что, в упоминавшемся мной в статье о деле террористов-врачей сообщении об освобождении арестованных врачей. Там есть формулировка «реабилитированы в предъявленных им обвинениях». Она, действительно, крайне некорректная и противоречащая действующему на тот момент законодательству, поскольку в советском уголовном и уголовно-процессуальном праве понятия «реабилитация» вообще не было. Хотя, с другой стороны, дело террористов-врачей и не дошло до суда. То есть сложная процедура отмены судебного решения здесь и не нужна была.

Есть и другие документы за подписью Берии, в которых слово «реабилитация» используется в похожем смысле — прекращение производства по не доведенным до суда делам. Вот, к примеру, записка Берии Маленкову о «реабилитации» ряда лиц:

«Постановлением Совета Министров СССР № 5444–2370 от 31 декабря 1951 г. «О недостатках 57-мм автоматических зенитных пушек С-60» были сняты с занимаемых постов и отданы под суд заместитель Военного министра маршал артиллерии Яковлев Н. Д., начальник Главного артиллерийского управления генерал-полковник ар-

тиллерии Волкотрубенко И. И. и заместитель Министра вооружения Мирзаханов И. А.

На основании этого постановления 5 января 1952 г. Прокуратурой Союза ССР на Яковлева, Волкотрубенко и Мирзаханова было заведено следственное дело, а в конце февраля 1952 г. они были арестованы МГБ СССР по подозрению в проведении вредительской деятельности.

Позднее по этому же делу МГБ СССР были дополнительно арестованы бывший начальник 3-го Управления Арткома ГАУ генерал-майор инженерно-технической службы Ахназаров А. Н. и бывший начальник отдела 3-го Управления Арткома инженер-полковник Овсицер Р.М.

Все арестованные по настоящему делу, не отрицая упущений в деле своевременного устранения конструктивных и производственных неполадок, связанных с освоением и организацией серийного выпуска зенитной пушки С-60 и некоторых других видов вооружения, виновными себя в преступных действиях не признали.

На протяжении 15 с лишним месяцев следствием также не добыто материалов, которые могли бы дать основание обвинить арестованных по настоящему делу во вредительстве.

В связи с этим Министерством внутренних дел СССР принято решение Яковлева Н. Д., Волкотрубенко И. И., Мирзаханова И. А., Ахназарова А. Н. и Овсичера Р. М. реабилитировать и из-под стражи освободить, следственное дело на них производством прекратить» (<https://istmat.org/node/57755>).

Как мы видим, здесь тоже речь идет о ситуации, когда до суда дело не дошло. Дело прекращалось на этапе следствия. Да, конечно, здесь тоже имеется нарушение установленных законом процедур прекращения следствия. Но ни о какой отмене судебных решений речи пока не шло.

Там же, где речь шла об отмене судебных решений, термин «реабилитация» не использовался. К примеру, 12 июня 1953 года в Президиуме ЦК обсуждался вопрос о деле А. И. Шахурина, А. А. Новикова, А. К. Репина и других. Речь там шла, в частности, о том, что:

«На основе сфабрикованных Абакумовым ложных материалов Военной Коллегией Верховного Суда СССР Шахурин, Новиков, Репин, Шиманов, Селезнев, Будников и Григорьян в 1946 г. были осуждены к лишению

свободы на разные сроки.

Военная Коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев в судебном заседании от 29 мая с.г. заключение и материалы дополнительного расследования, произведенного Министерством внутренних дел СССР по делу Шахурина, Новикова, Ретина, Шиманова, Селезнева, Будникова и Григорьяна, подтвердила заключение МВД СССР и приняла решение — приговор в отношении осужденных по настоящему делу полностью отменить и уголовное дело на них за отсутствием состава преступления прекратить». (<https://istmat.org/node/57775>)

Стоит отметить, что здесь, казалось бы, формально, соблюдена законность. То есть имеется судебное решение об отмене приговора. Однако есть нюанс. Согласно советскому уголовно-процессуальному праву, сначала, должно было быть судебное решение о признании материалов следствия фальсифицированными. Соответственно, сначала должно было быть возбуждено следственное дело о фальсификации доказательств, проведено следствие, установлены виновные в фальсификации, вынесено решение суда относительно этих виновных. И только после этого Военная коллегия Верховного суда могла отменить свое же ранее вынесенное решение. В данном случае сделано этого не было, поскольку не было еще суда по делу Абакумова. Но еще раз отметим, что здесь ни шла речь ни о какой «реабилитации».

Однако есть и другие документы, которые свидетельствуют в пользу того, что слово «реабилитация» использовалось в Политбюро довольно вольно, по сути, в значении оправдания тех, кто либо был «неправильно» осужден или находился под арестом.

Вот, допустим, выписка из заседания Президиума ЦК об обсуждении дела руководства Военно-морского флота.

«Записка тов. Булганина по вопросу о реабилитации тт. Галлера, Алафузова и Степанова (тт. Булганин, Ворошилов, Микоян, Хрущев, Молотов, Берия, Маленков).

1. Приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу Алафузова В. А., Степанова Г. А. и Галлера Л. М. отменить.

Восстановить В. А. Алафузова, Г. А. Степанова и посмертно Л. М. Галлера в воинских званиях и полностью их реабилитировать.

Тт. Алафузову и Степанову вернуть правительственные награды.

2. Поручить Министерству обороны

СССР обеспечить семью Галлера Л. М. положенной пенсией, квартирой и другими льготами, установленными законом для семей военнослужащих.

3. Приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР о снижении тов. Кузнецова Н. Г. в воинском звании до контр-адмирала отменить. Восстановить тов. Кузнецова Н. Г. в прежнем воинском звании адмирала флота.

Обязать Верховный Суд СССР принять соответствующее решение по делу Алафузова В. А., Степанова Г. А. и Галлера Л. М» (<https://istmat.org/node/57765>).

Здесь уже мы видим откровенное издевательство над советскими правовыми нормами. Ни намёка на законную процедуру, а просто директивное указание Верховному Суду отменить приговор не пойми на каких основаниях. Да, конечно, при Сталине на заседаниях Политбюро перед рассмотрением в суде громких дел по контрреволюционным преступлениям обсуждалось, какие приговоры должен вынести суд. Но основанием для этого была кропотливая работа следствия, в ходе которого вина подследственных уже была полностью доказана.

Ведь упомянутые выше Алафузов, Степанов, Галлер были осуждены за передачу США и Великобритании документов о секретных военных разработках. Зачем нужна была такая спешка с их освобождением — непонятно.

После ареста Берии масштаб «реабилитации» ранее осужденных военачальников расширился. 13 июля вышло новое постановление Президиума ЦК о «реабилитации генералов и адмиралов Советской Армии». В нём сообщалось:

«1. Обязать Военную Коллегию Верховного Суда Союза ССР пересмотреть дела на осужденных генералов и адмиралов, имея в виду:

а) прекратить дела и полностью реабилитировать генералов и адмиралов: Романова Ф. Н., Цирульникову П. Г., Чичканова А. С., Галича Н. И., Гельвиха П. А., Мошенина С. А., Ляскина Г. О., Голушкевича В. С., Жукова И. И., Тимошкова С. П., Самохина А. Г., Минюка Л. Ф., Туржанского А. А., Васильева А. Ф., Жарова Ф. И., Ильиных П. Ф., Эльсница А. Г., Токарева С. Ф., Мрочковского С. И., Буриченкова Г. А., Попова Д. Ф., Ширмахера А. Г., Бычковского А. Ф., Ухова В. П., Телегина К. Ф., Ворожейкина Г. А., Терентьева В. Г., Филатова А. А., Кузьмина Ф. К., Иванова И. И., Крюкова В. В., Власова В. Е., Петрова Е. С., Бежанова Г. А., Лапушкина

Я. Я., Вейса А. А., Клепова С. А.;

б) снизить наказание до фактически отбытого ими срока и освободить из-под стражи осужденных бывших генералов: Калинин С. А., Герасимова И. М., Ротберга Т. Ю.

2. Обязать МВД СССР:

а) прекратить дела и полностью реабилитировать генералов: Жукова Г. В., Гуськова Н. Ф., Дашичева И. Ф., Варенникова И. С., Сиднева А. М., Ильина В. Н., Глазкова А. А., Меликова В. А., Потатурчева А. Г., Гончарова Л. Г., Наумова И. А., Паука И. Х., Тамручи В. С., Соколова Г. И.;

б) прекратить дела и освободить из-под стражи членов семей осужденных генералов, подлежащих полной реабилитации.

Обязать Министерство обороны СССР обеспечить назначение положенных пенсий семьям полностью реабилитированных генералов и адмиралов, умерших в заключении: Глазкова А. А., Меликова В. А., Потатурчева А. Г., Гончарова Л. Г., Наумова И. А., Паука И. Х., Тамручи В. С., Соколова Г. И., Ширмахера А. Г. » (<https://istmat.org/node/57781>).

Здесь интересно разобраться, кого же столь массово решила освободить хрущевская клика. Итак:

Романов Ф.Н., генерал-майор. В открытых источниках, типа википедии, сообщается, что был арестован еще в 1942 году за «пораженческие настроения», то есть, по сути, антисоветскую агитацию. Находился под следствием 10 лет, а в 1952 году были приговорен аж к 12 годам ИТЛ. За агитацию такие сроки не давали. Здесь однозначно было что-то серьезнее. Но, увы, судебные материалы до сих пор засекречены. Правда, в одном из документов КПК при ЦК КПСС от 1955 года о Романове сообщается следующее: «В январе 1942 г. был арестован органами НКВД за то, что будто бы вел антисоветские разговоры и якобы являлся участником антисоветского военного заговора в 1938 г. Следствие по делу тянулось свыше 10 лет, в августе 1952 г. Военная Коллегия Верховного суда СССР осудила его на 12 лет лишения свободы». (<https://istmat.org/node/57929>). То есть всё же не только разговоры, а еще и участие в заговоре.

Цирульников П.Г., генерал-майор. Во время Донбасской оборонительной операции попал в плен, бежал, проходил спецпроверку, 18 февраля 1942 года арестован, обвинен в преступном руководстве войсками и добровольной сдаче в плен. Находился под арестом вплоть до марта 1952 года, осужден на 12 лет лишения свободы. Однако в том

же году освобожден по амнистии.

Чичканов А.С., комбриг. Воевал там же, где и первые двое, на Южном фронте. Дивизия Чичканова была разгромлена в ходе Киевской оборонительной операции. Арестован в январе 1943 года. Причина ареста не ясна. Находился под стражей вплоть до 1953 г.

Галич Н.И., генерал-майор, начальник Управления связи РККА. Арестован в августе 1941 года за преступное руководство работой Управления. Находился под арестом, 26 августа 1952 года приговорен к 10 годам заключения.

Гельвих П.А., генерал-майор. Из старых военспецов. Преподавал в ряде крупных военных академий. Известен как специалист по теории стрельбы. Арестовывался трижды, последний раз в 1944 г по подозрению в шпионаже. Осужден вместе с некоторыми упомянутыми выше в марте 1952 года на 8 лет заключения. Впрочем, его амнистия выглядит вполне логичной, ему на момент освобождения было уже за 80 лет.

Мошенин С.А., генерал-майор. Этот вообще уникальная личность. Командовал артиллерией 24-й армии, попавшей в окружение в районе Вязьмы в 1941 году. Бросил оружие, документы, переделался в гражданскую одежду и аж до 1943 года проживал на оккупированной территории. Сдался властям, был арестован, в марте 1952 г получил 25 лет лагерей.

Ляскин Г.О., генерал-майор. Без нареканий прошел всю войну, в 1949 году арестован, в сентябре 1952 г осужден на 25 лет.

Голушкевич В.С., генерал-майор. С августа 1941 г начальник оперативного отдела штаба Центрального фронта, потерпевшего ряд серьезных поражений от немцев. В январе-мае 1942 г — и.о. начштаба Западного фронта. Как известно, в апреле-мае наступление Западного фронта окончилось неудачно. Арестован в июле 1942 года. Находился под следствием до марта 1952 г, когда был осужден на 10 лет. После освобождения служил в Генштабе, дослужился до генерал-лейтенанта.

Жуков И.И. По инициалам подходит только Иван Иванович Жуков — военный комиссар штаба 18-й армии Южного фронта. Армия принимала участие в неудачной Донбасской оборонительной операции, в связи с которой упоминался генерал Цирульников. Есть данные, что был арестован. Больше ничего не известно.

Тимошков С.П. По инициалам подходит генерал майор Сергей Прокофьевич Тимошков. Однако информации о том, что он когда-либо арестовывался, нет. Как попал в этот список — непонятно.

Самохин А.Г., генерал-майор. В апреле 1942 г попал в плен из-за ошибки пилота. Освобожден из плена в 1945 г. Попал в фильтрационный лагерь, по итогам проверки был арестован. В марте 1952 г приговорен в 25 лет за измену родине. После «реабилитации» вернулся к преподавательской работе.

Минюк Л.Ф., генерал-лейтенант. Прошел войну. Арестован в 1947 г, осужден в ноябре 1951 г на 10 лет, как сообщается в открытых источниках, «за антисоветскую пропаганду». Однако очень сомнительно, что столь большой срок он получил всего лишь за антисоветскую болтовню.

Туржанский А.А., генерал-майор. Первый раз был арестован в 1938 г во время чистки в армии, однако, уже в 1940 году был освобожден. С августа 1941 г преподавал в Военной академии командного и штурманского состава ВВС. Арестован в феврале 1942 г, осужден в 1952 г на 12 лет. После «реабилитации» вернулся на преподавательскую работу.

Васильев А.Ф., генерал-майор. Прошёл войну, арестован в 1947 г, осужден в октябре 1952 г на 10 лет. После «реабилитации» - на преподавательской работе.

Жаров Ф.И., генерал-лейтенант. Арестован в 1946 г, осужден весной 1952 г на 25 лет.

Ильиных П.Ф. По инициалам подходит только Ильиных Павел Федосеевич, генерал-майор. Данных об аресте найти не удалось.

Эльсниц А.Г., генерал-майор. Информация о причинах и времени ареста в открытом доступе отсутствует. По обрывочным сведениям, осужден в 1952 г.

Токарев С.Ф., генерал-майор. Прошёл войну, после войны работал по линии ГРУ. С января 1948 г — военный атташе при миссии СССР в Финляндии. Осужден весной 1952 г. После «реабилитации» уволен в запас.

Мрочковский С.И., корпусной комиссар. Разведчик-нелегал. Находился на нелегальной работе в Германии, Франции и США. В 1943 г вернулся в СССР и был сразу же арестован. Обвинялся в шпионаже. В августе 1952 году осужден на 15 лет.

Буриченков Г.А., генерал-майор. Командующий Южной зоной ПВО. Арестован в 1943 г. 27 марта 1952 г осужден на 15 лет.

Попов Д.Ф., генерал-майор. Во время войны арестовывался дважды. Первый раз в январе 1942 г за ненадлежащее выполнение обязанностей осужден военным трибуналом на 6 лет условно с испытательным сроком на 2 года. Проявил себя на другой должности с положительной стороны. В августе того же года судимость была снята. В июле 1943 г арестован повторно. В открытых источни-

ках сообщается, что за антисоветскую агитацию. Осужден в марте 1952 г. [<https://pamyat-naroda.ru/heroes/pamyat-commander4741/>]

Ширмахер А.Г., генерал-майор. Первый раз под подозрение попал во время чистки армии. За безобразное положение во вверенной ему дивизии был исключен из партии, уволен в запас. Правда, в 1940 г был возвращен на службу в РККА. С началом ВОВ был эвакуирован в Среднюю Азию вместе с военной академией имени Фрунзе. Арестован в декабре 1941 г. В августе 1952 г приговорен к 15 годам.

Бычковский А.Ф., генерал-майор. Первый раз был арестован в ходе чистки, в июле 1938 г. Однако в ноябре 1939 г освобожден. Воевал на Юго-западном фронте, командовал кавалерийским корпусом. В январе 1942 г отстранен от должности за невыполнение боевой задачи. Арестован в мае 1943 г, осужден 25 марта 1952 г на 10 лет.

Ухов В.П., генерал-майор. Прошел войну без нареканий. Арестован в ноябре 1950 г по обвинению в присвоении трофейного имущества. В сентябре 1952 г осужден на 10 лет.

Телегин К.Ф., генерал-лейтенант. Арестован в 1948 г по «трофейному делу». Осужден 20 марта 1952 г на 25 лет.

Ворожейкин Г.А., маршал авиации. Первый раз был арестован во время чистки, в 1938 г. Освобожден в 1940 г за недоказанностью обвинения. Второй раз арестован в 1948 г по «авиационному делу», обвинялся в приемке некачественных самолетов в военное время. В апреле 1952 г осужден на 8 лет.

Терентьев В.Г., генерал-лейтенант. Арестован в 1947 г по «трофейному делу». В ноябре 1951 г осужден на 25 лет.

Филатов А.А., генерал-майор. Арестован в 1948 г по «трофейному делу», приговорен в ноябре 1951 г к 10 годам.

Кузьмин Ф.К., генерал-майор. После начала войны вместе с Академией Фрунзе был эвакуирован в Среднюю Азию. Арестован в конце декабря 1941 г. за принадлежность к антисоветской организации. Осужден в марте 1952 г на 25 лет.

Иванов И.И., генерал-лейтенант. Этого нельзя отнести ни к одной из вырисовывающихся групп «реабилитированных». Арестован в 1952 г и осужден в июне того же года на 10 лет.

Крюков В.В., генерал-лейтенант, муж Лидии Руслановой. Арестован в сентябре 1948 г по «трофейному делу» вместе с женой.

«Согласно материалам архивно-следственных дел № 0046 и № 1762 в ходе обысков у В. В. Крюкова и Л. А. Руслановой

были изъяты: автомобиль «Horch 951A», два «Мерседеса», «Ауди», двести восемь бриллиантов, а также изумруды, сапфиры, жемчуг, сто семь килограммов изделий из серебра, сто тридцать две картины русских художников Шишкина, Репина, Серова, Сурикова, Васнецова, Верещагина, Левитана, Врубеля, Маковского, Айвазовского и других, тридцать пять старинных ковров, старинные гобелены, много антикварных сервизов, меха, скульптуры из бронзы и мрамора, декоративные вазы, большое число книг, семьсот тысяч рублей наличными и другое».

В общем, банальный хапуга. В ноябре 1951 года получил 25 лет лагерей.

Власов В.Е., генерал-майор. Сведений об аресте нет, имеется информация, что был уволен в запас в октябре 1948 г, когда начало раскручиваться «трофейное дело», а вернулся к службе в 1953 г. Видимо, все же был арестован.

Петров Е.С., генерал-майор. Информации о нем в открытых источниках мало. Есть данные о том, что первый раз арестовывался во время чистки, но в 1939 г освобожден. Во время войны был арестован в мае 1943 г по обвинению в антисоветском заговоре. В марте 1952 г осужден на 25 лет. (<https://dzen.ru/a/Zawg0sMZvkGEgZf->)

Бежанов Г.А., генерал-майор МВД. Был начальником оперотдела МВД в одной из областей в оккупированной Германии. Арестован в конце 1947 г. По всей видимости, по «трофейному делу». В октябре 1951 г осужден на 10 лет.

Лапушкин Я.Я., контр-адмирал. Арестован в апреле 1948 года по делу о передаче секретной информации иностранным государствам. В апреле 1952 г осужден на 10 лет.

Вейс А.А., генерал-майор, арестован в апреле 1943 г, осужден в марте 1952 к 25 годам лишения свободы.

Клёпов С.А., генерал-майор МГБ, с ноября 1946 г — начальник оперативного сектора советской военной администрации в Саксонии. Арестован по «трофейному делу». Получил 10 лет заключения.

Калинин С.А., генерал-майор. Арестован в июне 1944 г за разложение работы во вверенном ему военном округе. Осужден в октябре 1951 г к 25 годам лагерей.

Герасимов И.М., генерал-майор. В сентябре 1941 г попал в плен. В 1945 г освобожден американцами, репатрирован. Арестован в конце декабря 1945 г. До суда дело не дошло, «реабилитирован» в августе 1953 г.

Ротберг Т.Ю., генерал-майор. В буржуазной

Эстонии был помощником министра обороны. После установления советской власти перешел на службу в РККА, был интендантом эстонского стрелкового корпуса. В июле 1942 г попал в плен к немцам, через год освобожден под подписку о неучастии в войне против Германии. После освобождения Эстонии от гитлеровцев арестован, в октябре 1952 г приговорен к 25 годам.

Жуков Г.В., генерал-майор. Данные о дате ареста отсутствуют. Судя по награждениям, арестован уже после войны. Был ли осужден, непонятно.

Гуськов Н.Ф., генерал-майор. В войну начальник артиллерии 58-й армии. Арестован в феврале 1942 г. Данных о суде и приговоре нету.

Дашичев И.Ф., генерал-майор. В начальный период ВОВ воевал в Крыму. Арестован первый раз в январе 1942 г за ошибки в командовании, приведшие к большим потерям и панике. Осужден на 4 года, но с отсрочкой исполнения приговора. Однако подал на помилование, и судимость с него была снята. Понижен в звании, отправлен на Калининский фронт. Однако в июле 1942 г вновь арестован за антисоветскую агитацию и пораженческие настроения. Осужден в декабре 1950 г на 10 лет. Однако уже в 1952 г освобожден в связи с отбытием всего срока наказания.

Варенников И.С., генерал-лейтенант. Арестован в марте 1948 г по «трофейному делу». Осужден так и не был.

Сиднев А.М., генерал-майор МВД. После войны — начальник оперсектора МВД в Берлине. Арестован в январе 1948 г. по «трофейному делу». В октябре 1951 г приговорен к принудительному заключению в психиатрической больнице. В июле 1953 г освобожден, но из рядов МВД уволен «по фактам дискредитации».

Ильин В.Н., комиссар госбезопасности. Арестован в марте 1943 г по обвинению во враждебной деятельности и разглашении секретных сведений. В феврале 1952 г приговорен к 8 годам лишения свободы по статье «измена родине в мирное время», но сразу же освобожден за отбытием срока заключения.

Меликов В.А., генерал-майор. Начальник кафедры военной истории в Военной академии Генерального штаба, доктор военных наук, профессор. Арестован в январе 1942 г по обвинению в ведении контрреволюционной пропаганды и участии в антисоветском заговоре. Умер в тюрьме в 1946 г.

Потатурчев А.Г., генерал-майор. Попал в плен в самом начале войны. Освобожден в 1945 году американцами, репатрирован. После спецпроверки арестован, умер в тюрьме в 1947 г.

Гончаров Л.Г., вице-адмирал. Арестован в 1948 г по делу о передаче англо-американцам секретных сведений. Умер в тюрьме.

Наумов И.А., бригадвоенврач. Попал в плен. После освобождения арестован. Умер в тюрьме.

Паука И.Х., генерал-майор. Профессор Военной академии Генштаба. Арестован в июне 1941 г. Умер в тюрьме в 1943 г.

Тамручи В.С., генерал-лейтенант. Командовал бронетанковыми войсками Юго-западного фронта. После поражения под Харьковом в мае 1942 г отстранен от должности и отправлен на преподавательскую работу. Арестован в мае 1943 г по обвинению в участии в антисоветском заговоре. Умер в 1950 г в тюрьме.

Соколов Г.И., генерал-майор. Первый раз под подозрение попал еще во время чистки в армии, в 1938г. Однако отделался отчислением из академии и скоро был восстановлен. Направлен преподавателем в Военную академию имени Фрунзе. Затем начальник штаба 6-й армии. Арестован в мае 1941 г. Умер в тюрьме в 1943 г.

Всех этих генералов и адмиралов Военной коллегии Верховного суда было приказано «реабилитировать» и прекратить по ним дела. Тем самым, нормы советского права здесь попораны грубо и неоднократно.

Во-первых, никакого понятия «реабилитация» в советском праве не было. Каким образом ВКВС должна была «реабилитировать» осужденных и находившихся под следствием — непонятно.

Во-вторых, ВКВС — это высшая судебная инстанция. Для отмены приговора ВКВС должны быть серьезные основания. То есть, для начала, должно было быть возбуждено дело о фальсификации доказательств, это дело должно было быть рассмотрено в суде, вынесен приговор в отношении фальсификаторов. И только потом на основании этого ВКВС выносит уже новое решение. См. гл. 27 УПК РСФСР https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/upk22

В-третьих, никакой Президиум ЦК не имеет права ходатайствовать о «пересмотре дел». Если уж у Президиума ЦК появились данные о фальсификации каких-то дел, то обращаться надо в Прокуратуру с требованием возбудить уголовное дело.

Во исполнение требования ЦК, ВКВС начала «реабилитировать» осужденных. К примеру, Цирульникова — 28 августа, Чичканова 15 августа, Галича — 28 июля, Гельвиха — 23 июля, Мошенина — 27 июля, Ляскина 15 августа, Голушкевича — 28 июля, Минюка — 28 июля и т. п. Напомню, что само письмо Президиума ЦК появилось 13 июля. Получается, что первые освобождения по-

шли уже через 10 дней, а самые поздние — в конце августа. И то, учитывая, что информация взята из википедии, вполне вероятно, что могут быть перепутаны даты вынесения решения о невиновности и восстановления в звании, к примеру, что можно считать полной «реабилитацией». В любом случае, нескольких недель или даже месяцев абсолютно недостаточно для нормальной, законной процедуры отмены законного решения высшего судебного органа.

Однако помимо правовой стороны вопроса есть практическая. В итоге, кто же вышел на свободу благодаря решению хрущевской оппортунистической клики?

Все обозначенные в документе генералы и адмиралы делятся на две большие группы. Остальные, по всей видимости, были осуждены по каким-то другим делам.

Первая - арестованные во время ВОВ за антисоветскую пропаганду, участие в антисоветских заговорах и воинские преступления. Это Романов (арест 01.1942), Цирульников (02.1942), Чичканов (01.1943), Галич (08.1941), Гельвих (1944), Мошенин (1943), Голушкевич (07.1942), Жуков И.И.(неизвестно), Туржанский (02.1942), Мрочковский (1943), Буриченков (08.1943), Попов (07.1943), Ширмахер (12.1941), Бычковский (05.1943), Кузьмин (12.1941), Петров (05.1943), Вейс (04.1943), Калинин (06.1944), Гуськов (02.1942), Дашичев (07.1942), Ильин (03.1043), Меликов (01.1942), Паука (06.1941), Тамручи (05.1943).

Общее между всеми ними то, что осуждены они были только в 1952 году. Почему так долго находились под арестом? Точно ответить на вопрос, какие на то были основания, сложно, поскольку все эти дела до сих пор засекречены. Однако эти основания должны были быть очень серьезными. Ведь, как известно, Сталин давал возможность проштрафившимся генералам искупить свою вину. В списке выше есть несколько человек, которые во время войны за свои ошибки приговаривались к заключению с отсрочкой приговора, и потом эта судимость снималась. В военной обстановке приходилось доверять командование и тем, кто был недостаточно достаточно политически благонадежен, а то и вовсе не чист на руку. Некоторые из этих высших военачальников проявили свою политическую физиономию в послевоенный период и были наказаны. Но воевали хорошо, получали ордена, медали и воинские звания. И вот при всем этом что же нужно было сделать, чтоб угодить под арест на 9 лет?

Ответа на этот вопрос до сих пор нет, по-

сколько дела всех этих генералов засекречены. Однако, по всей видимости, в самом начале 90-х годов эта секретность была снята для некоторых исследователей, которым была поставлена задача дискредитировать советскую власть и лично Сталина.

Некто Вячеслав Звягинцев, ссылаясь на архивные данные, которые некогда были доступны ему, издал в 2019 году книгу «Инакомыслие в Красной армии». Надо сказать, что автор — персонаж крайне недобросовестный. К примеру, во всех случаях, где речь идет о вынесении якобы расстрельных приговоров в военных условиях за антисоветскую агитацию, он не дает ссылки на архив, а пишет просто - «из личного архива автора». Тем не менее, кое-что из его книги может нам пригодиться.

Вот что, к примеру, сообщает автор об упомянутом выше генерале Ф.Н. Романове.

«Согласно обвинительному заключению от 15 февраля 1952 года Ф.Н. Романов являлся замаскировавшимся врагом с 1926 года, когда сблизился в академии с антисоветски настроенными однокурсниками, разделял их негативные взгляды на институт комиссаров и партийно-политический аппарат Красной Армии. А в начальный период Великой Отечественной войны вел, по мнению следователей, антисоветские разговоры среди руководящего состава Южного фронта, обвиняя руководство страны в том, что оно плохо занималось подготовкой страны и армии к войне. Это обвинение было основано главным образом на показаниях бывшего члена Военного совета Южного фронта А.И. Запорожца. В суде его свидетельские показания Романов назвал клеветническими и заявил:

– Пессимизм у меня был не по поводу поражения в войне в целом, а по поводу частного случая, конкретной сложившейся обстановки на нашем фронте. Из захваченных у противника документов нам стало известно, что группа Клейста имеет цель выйти на Каховский плацдарм, отрезать пути отступления 18-й и 9-й армий. Захват Ново-Украинки свидетельствовал, что противнику удастся осуществлять свои намерения. А у нас отсутствовали резервы. Отсюда и пессимизм, радоваться было нечему. Но пессимизм – это не пораженческие настроения.

Генерал-майор Федор Николаевич Романов был осужден 22 августа 1952 года к 12

годам лагерей, с поражением в правах и конфискацией имущества».
(<https://kuchaknig.org/avtor/vyacheslav-zvyagincev-19034820/kniga-inakomyslie-v-krasnoy-armii-kniga-vtoraya-2536880/>)

В данном случае автор поставил ссылку на архивное уголовное дело и указал его номер. Однако, несмотря на это, очевидно, что либо он это дело читал плохо, либо сознательно вводит читателей в заблуждение. Ведь у автора получается, что генерал получил свои 12 лет с конфискацией за антисоветскую агитацию... Видимо, он совсем за идиотов держит следователей, которые дело об агитации расследовали 10 лет. Но, сдается мне, что господин Звягинцев все же сознательно врёт. Выше я давал ссылку на документ, в котором четко говорится, что одно из предъявленных Романову обвинений — участие в антисоветском военном заговоре в 1938 г. И вот тут всё сходится. Если речь идет о заговоре, то времени для его расследования может потребоваться довольно много. Если автор был допущен к материалам дела, он не мог не заметить это обвинение. Однако он предпочел об этом факте не упоминать, а заодно и «забыл» упомянуть, по какой же статье был осужден генерал Романов.

Есть в книге и упоминание о генерале Голушкевиче. Однако и здесь автор представляет дело так, что свои 10 лет с конфискацией генерал получил за антисоветскую агитацию.

«Владимир Сергеевич Голушкевич перед арестом, произведенным Абакумовым 20 июля 1942 года, был заместителем начальника штаба Западного фронта. Первоначально предъявленное обвинение в измене Родине не нашло своего подтверждения. Однако он тоже десять лет провел в тюрьмах. Его освободили лишь в июле 1952 года. А за полгода до этого предъявили обвинение в проведении антисоветской агитации. Его десятилетнее заточение выглядело с этого момента не как ошибка органов госбезопасности, а как закономерный итог его «преступной деятельности». Проводить антисоветскую агитацию Владимир Сергеевич начал, по версии следствия, еще в академии, подвергая «злой критике академические порядки и охаявая систему воспитания, возводя клевету на офицеров Советской Армии и противопоставляя им офицеров царской армии». Не забыл следователь и участие Голушкевича в войне с Финляндией, возвратившись с которой, он «клеветал на действия советских войск и командный состав»».

(<https://kuchaknig.org/avtor/vyacheslav-zvyagincev-19034820/kniga-inakomyslie-v-krasnoy-armii-kniga-vtoraya-2536880/>)

Однако в отчете КПК при ЦК КПСС от 2 августа 1955 г сообщается:

«В 1942 г. т. Голушкевич был арестован органами НКВД СССР. Следствие по его делу велось до января 1943 г., а в дальнейшем около 8 лет он не допрашивался. Ввиду того что он не признал себя виновным «в участии в заговорщической группе», в ноябре 1950 г. ему предъявили новое ложное обвинение «в ведении антисоветских разговоров» и в марте 1952 г. Военная Коллегия Верховного суда СССР осудила его по этому обвинению к 10 годам лишения свободы».
(<https://istmat.org/node/57929>)

Здесь, конечно, тоже легко узнается почерк хрущевских фальсификаторов истории. Если Голушкевича не допрашивали около 8 лет, то когда ж он «не признавал себя виновным в участии в заговорщической группе»? Да и если он этого не признавал, то это вовсе не значит, что в заговоре не участвовал.

Звягинцев приводит последние слова Голушкевича в суде:

«Я считаю своим долгом доложить суду, что и на следствии и в суде я показывал только правду, никогда не менял показания и никого напрасно не оговорил. Будучи на фронте, я отдавал все силы на службу Родине и ее армии. Я уверен, что советский суд вынесет справедливый приговор и даст мне возможность вернуться к нормальной жизни».

Что примечательно, ни слова о том, что его, якобы, 8 лет не допрашивали или что к нему принимались незаконные методы ведения следствия. А вот то, что Голушкевич решил подчеркнуть, что он никого напрасно не оговорил, свидетельствует о том, что такие показания он давал. И это снова вполне укладывается в логику следствия по заговору, но никак не по антисоветской агитации.

Далее Звягинцев упоминает еще группу генералов: Е.С. Петрова, Вейса, Бычковского и И.И. Жукова. Правда, сообщает, что все они были тоже, якобы, осуждены за антисоветскую пропаганду, причем были арестованы в 1942-43 гг. Однако и здесь автора можно поздравить соврамши. Они мало того, что были арестованы в 1943 гг, так еще и практически в одно время: Бычковский и Петров — в мае, Вейс — в апреле, по Жукову информации найти не удалось, но не зря его автор в эту же группу включил... Более того, и осуждены они все

были одновременно, в 20-х числах марта 1952 года.

В биографии данных генералов есть и другие общие моменты. К примеру, Бычковский, Петров и Жуков были под подозрением в ходе чистки в армии конца 30-х годов. Бычковский и Жуков были тогда арестованы, Петров исключен из партии. Бычковский и Вейс в самом начале войны имели отношение к 9-й армии. Первый командовал одной из дивизий, а второй командовал армейской артиллерией. К слову, Жуков был военным комиссаром 18-й армии, которая воевала в начале войны на тех же направлениях (Молдавия, юг правобережной Украины), что и 9-я армия.

Однако на всё это господин Звягинцев закрывает глаза и сообщает нам, что, к примеру:

«Вина начальника Смоленского артиллерийского училища генерала Е. С. Петрова заключалась в «недооценке переломного значения Сталинградской битвы и ее непартийном анализе» на одном из совещаний. 25 лет лагерей генерал получил за слова о том, что немцы «восполнят свои потери, после чего они еще будут сильными и надо с ними считаться».

А вот про Вейса:

«Командиру 6-й запасной артиллерийской бригады Вейсу отмерили столько же за «клевету на оборонную политику». Он не признал вину ни на следствии, ни в суде, обоснованно считая, что его «арестовали не за совершение преступлений..., а как лицо немецкого происхождения».

И про Жукова:

«Жукову вменили в вину то, что в 1942 году в разговоре с начальником штаба армии генералом И. Л. Леоновичем он заявил — наша армия плохо вооружена и недостаточно обучена. Особому отделу Южного фронта этого оказалось достаточно для заточения Жукова, которое затянулось на десятилетие...»

Согласно Звягинцеву получается, что всех этих генералов арестовали исключительно за антисоветскую агитацию, но почему-то сразу не осудили, не дали кровью искупить вину на фронте (как это часто делалось за не тяжкие преступления), а держали под арестом вплоть до 1952 года, когда многих из них всё же осудили на сроки вплоть до 25 лет. Более того, Звягинцев утверждает, что их 9 лет вообще даже не допрашивали.

Нет, конечно, я не удивлюсь, если хрущевскими или более поздними фальсификаторами истории из уголовных дел этих генералов были удалены определенные страницы. Но будь Звягинцев

добросовестным историком его все эти факты должны были, как минимум, смутить. Однако его, по-моему, смутить неспособно вообще ничто. К примеру, он сообщает читателю:

«Евгений Степанович Петров, был арестован в мае 1943 года. В это время аресты генералов носили уже единичный характер. Его вину органы безопасности усмотрели в "недооценке переломного значения Сталинградской битвы и ее непартийном анализе" на одном из служебных совещаний.

"Преступные" действия генерала Петрова были квалифицированы по трем статьям УК РСФСР - 58-1б (измена родине), 58-10, ч. 2 (антисоветская агитация) и 58-11 (участие в контрреволюционной организации).

До суда Е.С. Петров провел в заключении более 9 лет. Военной Коллегией Верховного Суда СССР 28 марта 1952 года две статьи были исключены, как вмененные Петрову необоснованно. Однако "антисоветскую агитацию" оставили и определили ему по этой статье максимальный срок - лишение свободы на 25 лет. Этот громадный срок генерал Петров получил также за слова, произнесенные в беседе с сослуживцами после битвы под Москвой о том, что немцы еще "восполняют свои потери, после чего они еще будут сильными и надо с ними считаться"».

(<https://dzen.ru/a/Zawg0sMZvkGEgZf->)

К слову, никаких доказательств того, что «две статьи были исключены» Звягинцев не предьявляет. И его нисколько не смущает, ни что следствие по делу всего лишь об антисоветской агитации шло 9 лет, ни что по итогу по такой статье дали 25 лет. Не обратил внимание автор и на то, что упомянутые выше генералы были арестованы в рамках одного уголовного дела. Об этом говорят и даты арестов, и дата вынесения приговора. Это что «коллективная» антисоветская агитация была? В рамках преступной группы? Бред. Да и, напоминая, арестованы все они были весной 1943 года. Уже выиграна Сталинградская битва, Красная армия наступает. Какой-то очень не подходящий момент для антисоветской агитации... И это при том, что все они прошли через поражения 1941 года, и ни в какой антисоветской пропаганде тогда замечены не были.

А вот то, что Петрову вменялись измена родине и участие в контрреволюционной организации, выглядит как раз очень логичным. По таким статьям и следствие может идти долго, и вариант с искуплением кровью не подходит, и наказание

максимально строгое. Напомню, что Петров, Бычковский и Вейс получили по 25 лет заключения, по Жукову нет данных.

Судя по дате ареста, по обвинению в причастности к той же заговорщической группе был арестован и генерал-лейтенант Тамручи. Касательно него удалось найти следующую информацию:

«Его обвиняли в том, что с 1926 года он состоит в троцкистской оппозиции, "во враждебном духе критиковал проводимые Советской властью мероприятия и клеветал на руководителей партии и правительства», после начала войны утверждал, что поражения Красной Армии - следствие репрессий командных кадров в 1937-1938 годах и обвинял руководителей СССР в том, что они не подготовили страну к обороне». (<https://dzen.ru/a/ZGRirOb9OQ7HLVcA>)

Как мы видим, и здесь тянется шлейф принадлежности к троцкистской оппозиции. К сожалению, данных о том, арестовывался ли Тамручи в ходе чистки кадров Красной армии, найти не удалось. Но вполне вероятно, был под подозрением. Примечательно, что Тамручи и Бычковский имели отношение к поражению Юго-западного фронта под Харьковом в мае 1942 г. Тамручи командовал бронетанковыми войсками указанного фронта, а Бычковский командовал на этом же фронте и этом же направлении кавалерийским корпусом. Там же и в то же время воевал и генерал Вейс, командовавший артиллерией 9-й армии.

В общем, если снять антикоммунистические шоры, то очевидно, что версия о том, что эта группа генералов пострадала только за антисоветскую агитацию, трещит по швам. Слишком много других совпадений. А если мы заглянем немного вперед и вспомним речь Хрущева на XX съезде, где он возложил ответственность за поражение Красной армии под Харьковом на Сталина, то возникает закономерный вопрос: а не «реабилитировал» ли Хрущев своих подельников и не тянулись ли нити того заговора куда повыше?

В «трудах» Звягинцева упоминаются и некоторые другие генералы, которых предлагалось «реабилитировать».

Так, генерал Туржанский, арестованный в феврале 1942 года, тоже, якобы, содержался под арестом 10 лет всего лишь из-за обвинения в антисоветской агитации. При этом, Звягинцев проболтался. Оказывается, Туржанский был тоже арестован в 1938 году по подозрению в участии в военно-фашистском заговоре. Но почему-то автор снова не дает никаких подробностей о суде над Туржанским, не приводит обвинительное заключение. Он

лишь ссылается на заключение главной военной прокуратуры, составленное в хрущевские времена:

«В этом документе приведены слова генерала о том, «что страна была недостаточно подготовлена к военным действиям, что силы противника недооценивались, оборонительные рубежи не были достаточно подготовлены». Далее в заключении отмечалось: «Касаясь сообщений Совинформбюро, Туржанский заявлял, что сообщения предназначены только для успокоения масс и не соответствуют действительности, так как преуменьшают наши потери и преувеличивают потери противника».
(<https://dzen.ru/a/Xm3Wj2lhvXnb66Bo>)

Да понятное дело, что обвинения в антисоветской пропаганде в том уголовном деле тоже, наверняка, были. Но только из-за таких обвинений никто бы не стал держать генерала под арестом в течение 10 лет и давать 12 лет лагерей. Почему столько держали и почему столько дали — на это надо искать ответы в уголовном деле. Но то ли Звягинцев знакомился с ним очень избирательно, то ли намеренно искажил суть дела, то ли это дело дошло до Звягинцева уже в подчищенном виде. Во всяком случае, выводы он сделал ложные, безосновательные.

Что примечательно, Звягинцев, порой, сам составляет серьезно сомневаться в своей версии. Так, к примеру, в статье про генерала Ф.С. Иванова он пишет:

«22 февраля 1942 года генерал Ф.С. Иванов был арестован по постановлению Управления особых отделов НКВД СССР. Его арестовали вместе с заместителем начальника штаба Ленинградского фронта генерал-майором Валентином Владиславовичем Семашко за «антисоветские разговоры».

Обвинение типовое – проведение антисоветской агитации, выразившейся в разговорах о том, что неудачи Красной Армии явились результатом неправильной политики партии и советского правительства, а также неумения руководства Красной Армии руководить войсками. Конкретно, по информации, изложенной в секретном донесении В.С. Абакумова от 21 декабря 1945 года, Иванов «сознался в том, что вёл среди своего окружения антисоветскую агитацию о том, что неудачи Красной Армии в первые месяцы войны явились результатом якобы неправильной политики партии и Советского правительства по вопросам кол-

лективизации сельского хозяйства. Утверждал, что крестьяне, составляющие основной контингент Красной Армии, не заинтересованы в дальнейшем ведении войны и, будучи лишены частной собственности, защищать Советскую власть якобы не хотят». Кроме того, были зафиксированы антисоветские измышления Федора Иванова о советской печати и неверие в правдивость сообщений Совинформбюро...

Из заключения Иванова и Семашко выпустили уже после войны «согласно специальному указанию».

Постановлением следственного отдела ГУРК «Смерш» от 8 января 1946 года Ф.С. Иванов был освобождён из тюрьмы, срок нахождения под стражей был ему засчитан в срок воинской службы. То есть, косвенным образом была подтверждена незаконность его ареста».
(<https://dzen.ru/a/Zla7C9PaEBuLBchb>)

Вот интересно, одних генералов за «антисоветскую агитацию» держат под арестом по 9-10 лет, а потом осуждают на 10-25 лет. А других за всё ту же «антисоветскую агитацию» довольно быстро освобождают. Может, всё-таки, не в антисоветской агитации дело, а в участии в заговоре?

Если вспомнить историю, то в 1937 г был разоблачен военно-фашистский заговор Тухачевского и началась серьезная чистка в армии. В 1939-1940 гг был вскрыт новый заговор во главе с маршалом Егоровым. Многие крупные военачальники были подвергнуты серьезной проверке и даже были арестованы. Многие из них перед войной освободили, поскольку доказательств из причастности к заговорам было явно недостаточно. Но сам по себе факт отсутствия юридических доказательств вины еще вовсе не означает, что никто из освобожденных лиц не был связан с заговорщиками и не был настроен антисоветски.

В статьях о чистке в РККА я уже упоминал ряд фактов, когда некоторые из генералов, бывших под подозрением, но освобожденных, в начальный период войны совершали воинские преступления и были расстреляны. Здесь можно вспомнить и расстрелянного генерала Павлова, возглавлявшего Западный фронт, и потерпевшего в первые дни войны наиболее серьезные поражения.

Широко известен и факт перехода целого ряда советских генералов на сторону немцев. Про генерала Власова всем известно. Но был еще и генерал-майор Богданов П.В., исключавшийся в 1938 году из партии за связь с врагами народа, а в войну «дослужившийся» до звания... бригадефюрера СС.

Комбриг Бессонов И.Г. в немецком плену основал «Политический центр по борьбе с большевизмом».

Генерал-майор Зыбин Е.С. тоже арестовывался в 1938 году по подозрению в участии в военном заговоре, а в плену стал комендантом немецкого лагеря военнопленных.

Генерал-майор Малышкин В.Ф. Тоже арестовывался в 1938 году по подозрению в участии в военном заговоре, однако, освобожден. В плену стал соратником Власова, занимал руководящие посты в «Комитете освобождения народов России».

Генерал-майор Понеделин был арестован в 1937 г по подозрению в участии в заговоре, провел в тюрьме год, был освобожден за недоказанностью обвинения. В 1941 году попал в плен, выдал немцам сведения о составе 12-й и 6-й армии.

Этот список можно продолжать и дальше, что не входит в рамки данного исследования. Информация о пленных генералах есть в открытом доступе в той же википедии.

Что примечательно, если проанализировать даты вынесения смертных приговоров всем этим предателям, то увидим, что в первую очередь были осуждены власовцы. Это те, кто открыто перешел на сторону фашистов и, фактически, воевал на их стороне. Они были осуждены в августе 1946 г.

По следующей группе генералов, которые оказались в плену, но потом были репатриированы или освобождены советскими войсками, приговоры выносились в конце августа 1950 года. Что и логично, поскольку нужно было разобраться в мере их вины, поднять соответствующие немецкие архивные материалы, выяснить, в каких обстоятельствах они сдались в плен, какую информацию выдали фашистам.

А вот следующий крупный судебный процесс по делам генералов, арестованных во время войны, состоялся в марте 1952 года. Об этом уже шла речь выше.

Так что, к сожалению, чистка РККА хоть и сократила количество предателей и заговорщиков, но многие из них остались на свободе и во время войны сделали свое чёрное дело.

Благо, Сталин прекрасно понимал, что в условиях обострения классового борьбы заговоры военных неизбежно будут. Необходимо было держать в голове, что за любым поражением на фронте может стоять не только безответственность и безграмотность (что тоже было наказуемо, правда, в более легкой форме), но и сознательное вредительство, шпионаж и предательство, и вот здесь пощады уже не было. Органы госбезопасности напря-

женно работали в этом направлении и в военный, и в послевоенный период. Именно кропотливая работа следствия и есть причина того, что судебные решения по делам многих генералов были вынесены только в начале 1950-х годов.

Развал «трофейного дела»

Но вернемся к списку генералов, которых предполагалось «реабилитировать».

Вторая большая группа — это фигуранты так называемого «трофейного дела»: Ухов, Телегин, Терентьев, Филатов, Крюков, Власов, Бежанов, Клепов, Варенников, Сиднев. Остановлюсь на этом деле чуть подробнее, благо в открытом доступе имеется некоторое количество архивных документов.

В буржуазной историографии господствует версия, будто дело это было направлено, в первую очередь, против маршала Г.К. Жукова. Однако это не так.

С поста главнокомандующего сухопутными войсками Жуков был снят 3 июня 1946 г. Это было следствием рассмотрения дела Жукова Высшим военным Советом. А рассматривалось дело в связи с заявлением арестованного по «авиационному делу» маршала Новикова о неподобающем поведении Жукова, выражавшемся в зазнайстве, приписывании себе чужих заслуг и т.п.

«Высший военный совет на своем заседании 1 июня с.г. рассмотрел указанное заявление Новикова и установил, что маршал Жуков, несмотря на созданное ему правительством и Верховным Главнокомандованием высокое положение, считал себя обиженным, выражал недовольство решениями правительства и враждебно отзывался о нем среди подчиненных лиц.»

Маршал Жуков, потеряв всякую скромность, и будучи увлечен чувством личной амбиции, считал, что его заслуги недостаточно оценены, приписывая при этом себе, в разговорах с подчиненными, разработку и проведение всех основных операций Великой Отечественной войны, включая и те операции, к которым он не имел никакого отношения.»

Более того, маршал Жуков, будучи сам озлоблен, пытался группировать вокруг себя недовольных, провалившихся и отстраненных от работы начальников и брал их под свою защиту, противопоставляя себя тем самым правительству и Верховному Главнокомандованию.»

Будучи назначен главнокомандующим сухопутными войсками, маршал Жуков продолжал высказывать свое несогласие с решениями правительства в кругу близких ему людей, а некоторые мероприятия правительства, направленные на укрепление боеспособности сухопутных войск, расценивал не с точки зрения интересов обороны Родины, а как мероприятия, направленные на ущемление его, Жукова, личности.

Вопреки изложенным выше заявлениям маршала Жукова на заседании Высшего военного совета было установлено, что все планы всех без исключения значительных операций Отечественной войны, равно как планы их обеспечения, обсуждались и принимались на совместных заседаниях Государственного Комитета Оборона и членов Ставки в присутствии соответствующих командующих фронтами и главных сотрудников Генштаба, причем нередко привлекались к делу начальники родов войск.

Было установлено, далее, что к плану ликвидации сталинградской группы немецких войск и к проведению этого плана, которые приписывает себе маршал Жуков, он не имел отношения: как известно, план ликвидации немецких войск был выработан и сама ликвидация была начата зимой 1942 года, когда маршал Жуков находился на другом фронте, вдали от Сталинграда.

Было установлено, дальше, что маршал Жуков не имел также отношения к плану ликвидации крымской группы немецких войск, равно как к проведению этого плана, хотя он и приписывает их себе в разговорах с подчиненными.

Было установлено, далее, что ликвидация корсунь-шевченковской группы немецких войск была спланирована и проведена не маршалом Жуковым, как он заявлял об этом, а маршалом Коневым, а Киев был освобожден не ударом с юга, с Букринского плацдарма, как предлагал маршал Жуков, а ударом с севера, ибо Ставка считала Букринский плацдарм непригодным для такой большой операции.

Было, наконец, установлено, что признавая заслуги маршала Жукова при взятии Берлина, нельзя отрицать, как это делает маршал Жуков, что без удара с юга войск маршала Конева и удара с севера войск маршала Рокоссовского Берлин не был бы окружен и взят в тот срок, в какой он был взят». [здесь и далее цит. по Новак О. Трофейное дело МГБ СССР 1946-53 гг. Архив-

ные документы.]

Жуков присутствовал на данном заседании, имел возможность оправдаться, но вину свою признал:

«Под конец маршал Жуков заявил на заседании Высшего военного совета, что он действительно допустил серьезные ошибки, что у него появилось зазнайство, что он, конечно, не может оставаться на посту главкома сухопутных войск и что он постарается ликвидировать свои ошибки на другом месте работы».

После чего Жуков был отправлен командовать Одесским военным округом.

Никаких обвинений в присвоении трофейного имущества на данном этапе Жукову не предъявлялось. Но, как мы помним, чванство, зазнайство и карьеризм за ручку ходят со стяжательством, а там и до оппортунизма недалеко.

В конце августа этого же года на таможене близ Ковеля было задержано 7 товарных вагонов, в которых находилось 85 ящиков с мебелью, которые принадлежали Жукову. В записке Булганина на имя Сталина отмечалось:

«Установлено, что И.О. Начальника Тыла Группы Советских Оккупационных Войск в Германии для провоза мебели была выдана такая справка:

«Выдана Маршалу Советского Союза тов. Жукову Г.К. В том, что нижепоименованная мебель им лично заказанная на мебельной фабрике в Германии „Альбин Май“ приобретена за наличный расчёт и Военным Советом Группы СОВ в Германии разрешен вывоз в Советский Союз. Указанная мебель направлена в Одесский Военный Округ с сопровождающим капитаном тов. ЯГЕЛЬСКИМ. Транспорт №15218431».

Груз был через границу пропущен, но в Одессе задержан до выяснения обстоятельств.

«Судя по описи имущества, прибывшего из города Хемниц в 7 вагонах находилось: 194 предмета мебели для спальни, гостиной, кабинета, кухни и т.д. Особо выделялась мебель для гостиной, сделанная из красного дерева с обивкой из золотистого плюша и большой круглый стол сделанный из полированного ореха фирмы Мозер с матовой инкрустацией под кожу под названием «Рафаэль».

Как развивались события дальше, понять сложно, поскольку материалы дела до сих пор засекречены, а то и вовсе уничтожены. Сборник документов, на который я ссылаюсь выше, — единственное, что есть по данному вопросу на сегодняшний день. Но документов там, к сожалению, не так много.

Далее в сборнике сообщается, что:

«6 декабря 1947г. Председатель СМ СССР И.В. Сталин (изучив представленный Абакумовым материал от 29 ноября) дает указание арестовать генерала Бежанова против которого имелся достаточный компрометирующий материал».

Бежанов на тот момент занимал должность главы МГБ Кабардино-Балкарской республики, но в период с июня 1945 по сентябрь 1946 занимал должность начальника оперсектора НКВД земли Тюрингия в оккупированной Германии. Как мы видим, с момента понижения Жукова в должности до ареста Бежанова прошло полтора года.

Следом за Бежановым, в конце января 1948, был арестован и генерал Клёпов, занимавший на тот момент должность начальника оперотдела НКВД в Саксонии.

Через пару дней арестован генерал Сиднев. С мая 1945 по декабрь 1947 он занимал должность начальника оперсектора НКВД в Берлине, но потом был переведен на должность министра МГБ Татарской АССР.

Здесь уже любопытно, почему и кем двое из троих арестованных были переведены из Германии явно на более тихую работу. Очень уж это похоже на заметание следов кем-то вышестоящим...

А вышестоящий, то есть непосредственный их начальник, назначивший всех этих своих генералов на свои посты был никто иной, как Уполномоченный НКВД в Германии генерал-полковник И.А. Серов. А если посмотреть биографию Серова, то увидим, что он был одним из близких людей к Жукову и Хрущеву, принимал непосредственное участие в аресте Берии, в марте 1954 г стал Председателем КГБ СССР, принимал непосредственное участие в «реабилитации» врагов народа.

9 января на квартире Жукова в Москве был произведен негласный обыск. Абакумов докладывал Сталину:

«В соответствии с Вашим указанием 5 января с.г. На квартире Жукова в Москве был произведен негласный обыск. Задача заключалась в том, чтобы разыскать и изъять на квартире Жукова чемодан и шкатулку с золотом, бриллиантами и другими ценностями.

В процессе обыска чемодан обнаружен не был, а шкатулка находилась в сейфе, стоящем в спальне комнате.

В шкатулке находилось:

часов – 24 штуки, в том числе золотых – 17 и с камнями – 3;

золотых кулонов и колец – 15 штук, из них 8 с драгоценными камнями;

золотой брелок с большим количеством

драгоценных камней;

другие золотые изделия (портсигар, запонки и браслеты, серьги с драгоценными камнями пр.)».

Поскольку обыск был негласный, всё сложили обратно и убрали на место. Однако у производивших обыск сложилось впечатление, что Жукова кто-то предупредил.

«По заключению работников, проводивших обыск, квартира Жукова производит впечатление, что оттуда изъято все то, что может его скомпрометировать. Нет не только чемодана с ценностями, но отсутствуют даже какие бы то ни было письма, записки и т. д. По-видимому, квартира приведена в такой порядок, чтобы ничего лишнего в ней не было».

Здесь тоже возникают определенные подозрения. Серов был соратником Жукова и вторым после него лицом в оккупированной Германии. Вместе с Жуковым они примкнули к клике Хрущева и принимали участие в аресте Берии. На момент описываемых событий Серов — первый заместитель министра внутренних дел, то есть Берии. Несмотря на то, что обыск проводило МГБ, то есть ведомство Абакумова, у Серова вполне могли там быть свои люди.

Далее такой же обыск был проведен и на даче Жукова.

«В результате обыска обнаружено, что две комнаты дачи превращены в склад, где хранится огромное количество различного рода товаров и ценностей.

Например:

шерстяных тканей, шелка, парчи, панбархата и других материалов – всего свыше 4000 метров;

мехов – собольих, обезьяньих, лисьих, котиковых, каракульчевых, каракулевых – всего 323 шкуры;

шевро высшего качества – 35 кож;

дорогостоящих ковров и гобеленов больших размеров, вывезенных из Потсдамского и других дворцов и домов Германии, – всего 44 штуки, часть из которых разложена и развешана по комнатам, а остальные лежат на складе; особенно обращает на себя внимание больших размеров ковер, разложенный в одной из комнат дачи;

ценных картин классической живописи больших размеров в художественных рамках – всего 55 штук, развешанных по комнатам дачи и частично хранящихся на складе;

дорогостоящих сервизов столовой и чайной посуды (фарфор с художественной отделкой, хрусталь) – 7 больших ящиков;

серебряных гарнитуров столовых и чайных приборов – 2 ящика;

аккордеонов с богатой художественной отделкой – 8 штук;

уникальных охотничьих ружей фирмы «Голанд-Голанд» и других – всего 20 штук.

Это имущество хранится в 51 сундуке и чемодане, а также лежит навалом.

Человеку со здоровой психикой сложно понять, зачем маршалу столько барахла. Страна лежит в разрухе, а человек, чьи заслуги в разгроме фашизма несомненны, копит у себя дома массу объективно не нужных ему для собственного потребления предметов роскоши. Зачем? Чтоб быть похожим на тех, кого он ещё недавно громил на фронтах?

«Вся обстановка, начиная с мебели, ковров, посуды, украшений и кончая занавесками на окнах, – заграничная, главным образом немецкая. На даче буквально нет ни одной вещи советского происхождения, за исключением дорожек, лежащих при входе на дачу.

На даче нет ни одной советской книги, но зато в книжных шкафах стоит большое количество книг в прекрасных переплетах с золотым тиснением, исключительно на немецком языке.

Зайдя в дом, трудно себе представить, что находишься под Москвой, а не в Германии».

Ирония еще и в том, что и сам Абакумов, описывающий все это в докладе Сталину, был точно таким же хапугой. И позднее, при обыске уже в его доме обнаружили не меньшие запасы предметов роскоши.

Вопрос о «чемодане Жукова» возник на основе показаний арестованного Сёмочкина, бывшего ранее его адъютантом. Он указал размер и цвет чемодана и заявил, что Жуков носит в нём драгоценности.

По данному вопросу Жукову пришлось дать объяснения в ЦК ВКП(б). Он объявил показания Сёмочкина ложными и клеветническими.

«О моей алчности и стремлении к при-

своению трофейных ценностей. Я признаю серьезной ошибкой то, что много накопил для семьи и своих родственников материала, за который платил деньги, полученные мною как зарплату. Я купил в Лейпциге за наличный расчет:

1) на пальто норки 160 шт.

2) на пальто обезьяны 40–50 шт.

3) на пальто котика (искусст.) 50–60 шт. и еще что-то, не помню, для детей. За все это я заплатил 30 тысяч марок.

Метров 500–600 было куплено фланели и обоевого шелку для обивки мебели и различных штор, т.к. дача, которую я получил во временное пользование от госбезопасности, не имела оборудования. Кроме того, т. Властик просил меня купить для какого-то особого объекта метров 500. Но так как Властик был снят с работы, этот материал остался лежать на даче. Мне сказали, что на даче и в других местах обнаружено более 4 тысяч метров различной мануфактуры, я такой цифры не знаю. Прошу разрешить составить акт фактическому состоянию. Я считаю это неверным. Картины и ковры, а также люстры действительно были взяты в брошен-

Жуков с семьёй и трофейными аккордеонами. С другим барахлом он почему-то не фотографировался

ных особняках и замках и отправлены для оборудования дачи МГБ, которой я пользовался. 4 люстры были переданы в МГБ коммендантом, 3 люстры даны на оборудование кабинета главкома. То же самое и с коврами. Ковры частично были использованы для служебных кабинетов, для дачи, часть для квартиры. Я считал, что все это поступает в фонд МГБ, т.к. дача и квартира являются в ведении МГБ. Все это перевозилось и использовалось командой МГБ, которая меня обслуживает 6 лет. Я не знаю, бралось ли все это на учет, т.к. Я полтора года отсутствую и моя вина, что я не поинтересовался, где что состоит на учете.

Относительно золотых вещей и часов

заявляю, что главное – это подарки от различных организаций, а различные кольца и другие дамские безделушки приобретены семьей за длительный период и являются подарками подруг в день рождения и другие праздники, в том числе несколько ценностей, подаренных моей дочери дочерью Молотова Светланой. Остальные все эти вещи являются в большинстве из искусственного золота и не имеют никакой ценности. О сервизах. Эти сервизы я купил за 9200 марок, каждой дочери по сервизу. На покупку я могу предъявить документы и **может подтвердить т. Серов, через кого и покупались сервизы, т. к. он ведал всеми экономическими вопросами.** О 50 тысячах, полученных от Серова и якобы израсходованных на личные нужды. Это клевета. Деньги, взятые на случай представительских расходов, были полностью в сумме 50 тыс. возвращены начальником охраны МГБ Бедовым. Если б я был корыстен, я бы мог их себе присвоить, т. к. никто за них отчета не должен был спросить. Больше того, Серов мне предлагал 500 тысяч на расходы по моему усмотрению. Я таких денег не взял, хотя он указывал, что т. Берия разрешил ему, если нужно, дать денег, сколько мне требуется. Серебряные ложки, ножи и вилки присланы были поляками в честь освобождения Варшавы, и на ящичках имеется надпись, свидетельствующая о подарке. Часть тарелок и еще что-то было прислано как подарок от солдат армии Горбатова. Все это валялось в кладовой, и я не думал на этом строить свое какое-то накопление. Я признаю себя очень виноватым в том, что не сдал все это ненужное мне барахло куда-либо на склад, надеясь на то, что оно никому не нужно. О гобеленах я давал указание т. Агееву из МГБ сдать их куда-либо в музей, но он ушел из команды, не сдав их.

Четвертое. Обвинение меня в том, что соревновался в барахольстве с Телегиным, является клеветой. Я ничего сказать о Телегине не могу. Я считаю, что он неправильно приобрел обстановку в Лейпциге. Об этом я ему лично говорил. Куда он ее дел, я не знаю.

Пятое. Охотничьи ружья. 6–7 штук у меня было до войны, 5–6 штук я купил в Германии, остальные были присланы как подарки. Из всех ружей охотилась команда, часть итуцеров, присланных в подарок, я собирался передать куда-либо. Признаю вину в том, что зря я держал такое количество ружей. Допустил я ошибку потому,

что, как охотнику, было жаль передавать хорошие ружья».

В общем, Жуков представил дело так, что часть барахла принадлежала МГБ, а поскольку и дача принадлежала МГБ, то, по сути, использовалась как склад. Подтвердить это должен был Серов, подчиненные которого, как минимум, при его попустительстве, нахапали столько, что получили по 25 лет лагерей. Другая часть принадлежала ему лично, но он всё это приобрел законно, на свои деньги. Следствию предстояло с этим разобраться.

Исходя из того, что количество предметов роскоши, названное Жуковым, примерно совпадает с тем, что было обнаружено при негласном обыске, не подлежит сомнению то, что производившие обыск сотрудники не преувеличивали.

В сборнике документов имеется акт изъятых у Жукова имущества от 3 февраля 1948 года. Причем речь там идет именно о незаконно приобретенном и присвоенном имуществе. Так и написано:

«О передаче Управлению Делами Совета Министров Союза СССР изъятых Министерством Государственной безопасности СССР у Маршала Советского Союза Г.К. Жукова незаконно приобретённого и присвоенного им трофейного имущества, ценностей и других предметов».

И далее идет список:

«– Кулоны и броши золотые (в том числе один платиновый) с драгоценными камнями – 13 штук

– Часы золотые – 9 штук

– Серьги золотые с бриллиантами – 2 пары

– Другие золотые изделия (браслеты, цепочки и другое) – 9 штук

– Украшения из серебра, в том числе под золото – 5 штук

– Металлические украшения (имитация под золото) с драгоценными камнями (кулоны, цепочки, кольца) – 14 штук

– Столовое серебро (ножи, вилки, ложки и другие предметы) – 713 штук

– Серебряная посуда (вазы, кувшины, сахарницы, подносы и другое) – 14 штук

– Шерстяные ткани, шелка, парча, бархат, фланель и другое – 3.420 метров

Меха (скунс, норка, выдра, нутрии, чёрно-бурые лисы, каракульча) – 323 штуки». И т. п.

Однако часть имущества всё же Жукову была оставлена:

«Согласно докладной записки зам. министра МГБ СССР Блинова А.С., Жукову было оставлено: часть золотых изделий, 15 пар часов, в том числе 8 золотых, значительная

часть другого имущества, приобретение которого Жуковым было подтверждено счетами и квитанциями, в том числе часть мебели, около 500 метров тканей, 1 кожа, 5 ружей, 1 аккордеон и т. д».

При этом уголовное дело в отношении Жукова возбуждено не было, в хищении всего этого имущества никто его не обвинил, несмотря на резкие формулировки в акте изъятия. По всей видимости, там сложилась парадоксальная ситуация. Фактически, все эти предметы роскоши находились на даче Жукова, но сама дача принадлежала МГБ, и Серов, по всей видимости, подтвердил, что это это барахло принадлежит МГБ. Если б Жуков был уличён в том, что сплавлял все эти предметы на чёрный рынок, не помогло б никакое маршальское звание и былые заслуги. Понятно, что, если б расследование «трофейного дела» не было бы начато, то все эти предметы так бы и лежали на даче Жукова в ожидании «лучших времён», когда их можно бы было присвоить уже окончательно. А так Жукову пришлось представить дело таким образом, будто он просто хранил имущество МГБ у себя на даче, как на складе, в подтверждение чего, видимо, были изготовлены документы. Это его и спасло от ареста.

Однако всё же данные факты были абсолютно верно оценены Сталиным как проявление политической неблагонадёжности Жукова, и он был снят с командования Одесским военным округом и назначен командовать Уральским военным округом. Впрочем, основанием для этого послужило не столько обнаруженное у Жукова неучтенное барахло, а неудовлетворительная работа во вверенном округе.

Фигурантом «трофейного дела» Жуков никогда не был. Арестованные по этому делу генералы были виновны именно в массовых хищениях трофейного имущества. Вот, к примеру, что можно прочесть в протоколе допроса генерала Сиднева.

«ВОПРОС. После вашего отъезда из Берлина были вскрыты крупные хищения ценных вещей и золота, в которых вы принимали непосредственное участие. Показывайте об этом.

ОТВЕТ. Говоря откровенно, я давно бес-

покоился, ожидая, что будут вскрыты преступления, совершенные мною в Германии, и мне придется за них отвечать. Как известно, частями Советской Армии, овладевшими Берлином, были захвачены большие трофеи. В разных частях города то и дело обнаруживались хранилища золотых вещей, серебра, бриллиантов и других ценностей. Одновременно было найдено несколько огромных хранилищ, в которых находились дорогостоящие меха, шубы, разные сорта материи, лучшее белье и много другого имущества. О таких вещах, как столовые приборы и сервизы, я уже не говорю, их было бесчисленное множество. Эти ценности и товары различными лицами разворовывались. Должен прямо сказать, что я принадлежал к тем немногим руководящим работникам, в руках которых находились все возможности к тому, чтобы немедленно организовать охрану и учет всего ценного, что было захвачено со-

ветскими войсками на территории Германии.

Однако никаких мер к предотвращению грабежей я не предпринял и считаю себя в этом виновным».

Далее генерал признал, что и сам занимал-

ся грабежом и «при-

хватил немного лишнего».

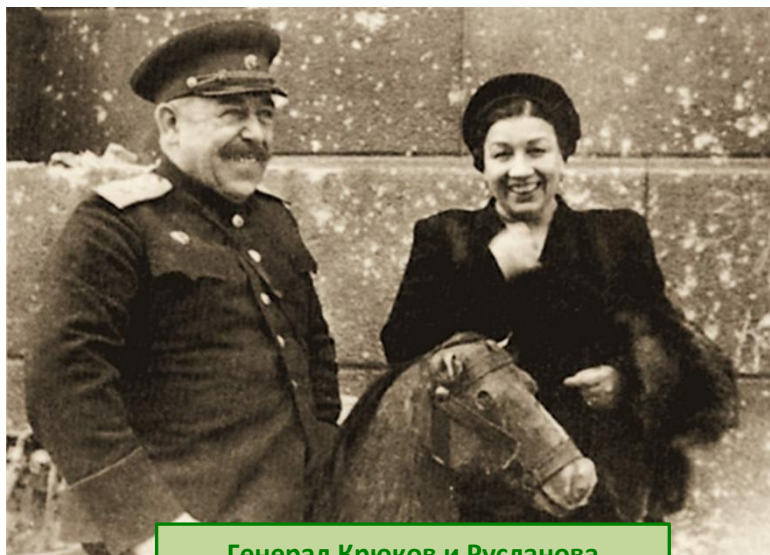
«ВОПРОС. Обыском на вашей квартире в Ленинграде обнаружено около сотни золотых и платиновых изделий, тысячи метров шерстяной и шелковой ткани, около 50 дорогостоящих ковров, большое количество хрусталя, фарфора и другого добра.

Это по-вашему «немного лишнего»?

ОТВЕТ. Я не отрицаю, что привез из Германии много ценностей и вещей.

ВОПРОС. А три золотых браслета с бриллиантами вы где «прихватили»?

ОТВЕТ Эти браслеты были мною взяты в одном из обнаруженных немецких хранилищ, где именно – не помню. Если не ошибаюсь, один из золотых браслетов мне принес

Генерал Крюков и Русланова

бухгалтер берлинского оперсектора Ночвин.

ВОПРОС. 15 золотых часов, 42 золотых кулона, колье, брошей, серег и цепочек, 15 золотых колец и другие золотые вещи, изъятые у вас при обыске, где вы украли?

ОТВЕТ. Также, как и золотые браслеты, я похитил эти ценности в немецких хранилищах».

По всей видимости, барахло, обнаруженное у Жукова на даче, всё же было должным образом оформлено. А вот барахло Сиднева нигде учтено не было, то есть было именно похищено. Поэтому Жукова пожурили, а Сиднева арестовали.

А дальше еще интереснее:

«ВОПРОС. Но ведь и деньги вами тоже были украдены?

ОТВЕТ. Я денег не крал.

ВОПРОС. Неправда. Арестованный бывший начальник оперативного сектора МВД Тюрингии Бежанов Г.А. На допросе показал, что вы присвоили большие суммы немецких денег, которые использовали для личного обогащения. Правильно показывает Бежанов?

ОТВЕТ. Правильно. При занятии Берлина одной из моих оперативных групп в Рейхсбанке было обнаружено более 40 миллионов немецких марок. Примерно столько же миллионов марок было изъято нами и в других хранилищах в районе Митте (Берлин). Все эти деньги были перевезены в подвал здания, в котором размещался берлинский оперативный сектор МВД.

ВОПРОС. Но этот подвал с деньгами находился в вашем ведении?

ОТВЕТ. Да, в моем.

ВОПРОС. Сколько же всего там находилось денег?

ОТВЕТ. В подвале находилось около 100 мешков, в которых было более 80 миллионов марок.

ВОПРОС. Вам известно, где находятся сейчас все записи по расходованию немецких марок?

ОТВЕТ. Как мне рассказывал Ночвин, папки с отчетными материалами об израсходованных немецких марках, собранные со всех секторов, в том числе и записи на выданные мною деньги, были по указанию Серова сожжены. Остался лишь перечень наименований сожженных материалов, составленный работниками финансовой группы аппарата Серова.

ВОПРОС. Кто именно сжигал эти отчетные материалы и записи?

ОТВЕТ. Я этого не знаю, но вероятнее

всего в сожжении участвовали финансовые работники аппарата Серова или его секретарь Тужлов, а может быть и все вместе. Я считаю, что Серов дал указание сжечь все эти материалы для того, чтобы замести следы, так как, если бы они сохранились, то все преступления, совершенные Серовым, мною, Клеповым, Бежановым и другими приближенными к нему лицами, были бы вскрыты гораздо раньше и, видимо, мы бы давно сидели в тюрьме.

ВОПРОС. А куда вы девали отчетность об изъятых золоте и других ценностях, находившихся у вас?

ОТВЕТ. Эта отчетность также как и отчетность по немецким маркам была передана в аппарат Серова и там сожжена.

ВОПРОС. Вы это сделали для того, чтобы скрыть хищение золота и других ценностей?

ОТВЕТ. Я сдал эти документы Серову потому, что он их у меня потребовал. О расхищении ценностей с моей стороны я уже дал показания. Присваивал ценности также и Серов, поэтому, очевидно, была необходимость уничтожить эти документы, чтобы спрятать концы в воду.»».

Примечательно, что Серов тоже фигурантом «трофейного дела» не был. Во всяком случае, до сих пор нет данных, что он по этому делу допрашивался. И если отсутствие таких данных можно списать на то, что, став главой КГБ в хрущевские времена, он весь компромат на себя уничтожил, то тот факт, что он не был по трофейному делу осужден, сомнению не подлежит.

Тут вообще разобраться во всех хитросплетениях сложно. «Трофейное дело» расследовало МГБ, то есть ведомство Абакумова. Но Абакумов и сам был не чист на руку, что было доказано уже в ходе следствия по его делу. Он и сам совершал должностные преступления. Показания в отношении Серова могли быть и вымышленными, раз они не послужили основанием для его ареста. А могли быть и подлинными, но недостаточными для ареста, поскольку не нашли достаточного подтверждения. Скорее всего, второе. Всё указывает на то, что Серов имел отношение к хищению трофейных ценностей. Тем более, что после смерти Сталина и ареста Берии, с которым он помог Хрущеву, первым делом, были освобождены его подельники.

Коснулось «трофейное дело» и одной из представителей советской богемы — певицы Лидии Руслановой, жены генерала Крюкова. Арестованы были оба за хищения в крупных размерах.

«В ходе обыска московских и ленинградских квартир и дач принадлежащих Крюко-

ву и Руслановой, сотрудники МГБ, помимо других «личных трофеев» Крюкова и Руслановой, изъяли 132 художественных полотна принадлежащих кисти известных художников: Нестерова, Репина, Коровина, Кустодиева, Маковского, Шишкина, Поленова, Малявина, Верещагина, Васнецова, Врубеля, Сурикова, Серова, Айвазовского, Крамского, Тропинина, Федотова, Брюллова. Экспертиза установила, что в личной Коллекции Руслановой находились шедевры изобразительного искусства русских художников.

Кроме картин, ювелирных изделий, во время обыска, у Крюкова-Руслановой было изъято 107 кг. различных изделий из серебра, 35 старинных ковров, старинные гобелены, много антикварных сервизов, меха, скульптуры из бронзы и мрамора, декоративные вазы, огромную библиотеку старинных немецких книг с золотым обрезом, 312 пар модельной обуви, 87 костюмов, штабеля шелкового нательного и постельного белья.

И Крюков, и Русланова в итоге были осуждены на 25 и 10 лет соответственно. Столь строгие приговоры многим фигурантам дела обусловлены применением в отношении них широко известного закона «7.8» о хищении государственного и общественного имущества.

Имеются в данном сборнике и документы и о «пересмотре» дел всех этих хапуг Военной Коллегией Верховного суда в июле 1953 по указанию хрущевского ЦК.

Итак, касательно генерала Крюкова, получившего 25 лет, ВК ВС установила:

«Приговором Военной Коллегии Верховного Суда СССР КРЮКОВ осужден за то, что он, являясь командиром 2-го гвардейского кавалерийского корпуса и находясь на территории Польши и Германии, в 1944 и 1945 гг. систематически занимался хищением захваченного войсками разного имущества и ценностей, подлежащих сдаче в доход государства. Это имущество и ценности в больших размерах КРЮКОВ отправлял в город Москву и частично продавал.

При обыске в квартире КРЮКОВА обнаружено большое количество ценностей, антикварных изделий, мехов, ковров, мебели и других вещей. Кроме этого, КРЮКОВ на протяжении 1947 и 1948 гг. в кругу своих знакомых и сослуживцев вел антисоветскую агитацию, направленную на дискредитацию отдельных мероприятий ВКП (б) и Советского правительства и клеветал на советскую действительность, заявляя, что в Советском Союзе отсутствует свобода лич-

ности.

КРЮКОВ виновным себя в предъявленных обвинениях признал.

В основу приговора Военная Коллегия Верховного Суда СССР положила, кроме показаний КРЮКОВА, показания свидетелей МИНЮКА, АЛАВЕРДОВА и МАРЬЯНОВА, допрошенных на предварительном следствии.

В жалобе от 25 апреля 1953 года, поданной в ЦК КПСС, КРЮКОВ утверждает, что на предварительном следствии к нему применялись извращенные методы ведения следствия, в результате чего он вынужден был дать ложные показания как в отношении себя, так и в отношении других лиц, и что имущество, которое у него обнаружено на квартире в преобладающем большинстве, не является государственным, а принадлежит лично ему и его жене – РУСЛАНОВОЙ, о чем имеются соответствующие документы.

Эти утверждения КРЮКОВА подтвердились.

Главный Военный Прокурор в своем заключении просит приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР в отношении КРЮКОВА отменить по вновь открывшимся обстоятельствам, которые не были известны суду при вынесении приговора, т. е. в порядке статьи 373 УПК РСФСР и дело о КРЮКОВЕ производством прекратить».

От этого документа за версту разит заказным решением, не имеющим ничего общего ни с объективной истиной, ни с юридическими нормами. Ведь, что получается. Изначально той же ВК ВС было установлено, что Крюков занимался хищениями государственной собственности (а трофеи — это и есть государственная собственность) в особо крупных размерах. Причем он не только их расхищал, но еще и продавал. Доказательств было достаточно. Это и обнаруженное при обыске никак не оформленное трофейное имущество, и показания свидетелей, и, наконец, признание своей вины самим Крюковым. В этой части как раз всё гладко.

А вот дальше судьбы в своём решении несут откровенную ахинею. Если к Крюкову применялись незаконные методы ведения следствия, он не мог не понимать, что это грубейшее нарушение советской законности. А раз так, то он обязан был заявить об этом уж точно в судебном заседании, а, скорее всего, и на этапе следствия. Где эти заявления? Почему Крюков тогда в суде вину свою признал и ни словом ни обмолвился об этих незаконных методах? Почему эта жалоба поступила от него только после смерти Сталина? Все эти вопро-

сы ему должны были задать в суде в процессе «реабилитации». Более того, жалоба должна была быть рассмотрена, должно было быть возбуждено дело о применении незаконных методов ведения следствия, проведено следствие, виновные должны были осуждены судом. Но ни о чем подобном ни слова в решении ВК ВС нет ни слова.

Дальше еще смешнее и абсурднее. То есть получается, что у Крюкова были документы о том, что изъятое имущество принадлежало ему лично, но он их почему-то от следствия и суда спрятал (ведь иначе они должны быть в материалах дела), признался в том, что расхищал государственное имущество и получил за это 25 лет тюрьмы. Экий мазохист! Хорошо, допустим, спрятал он эти документы, а теперь решил достать. Но ему пришлось бы в любом адекватном суде доказывать, почему он их ранее не предъявил, чтоб дело было пересмотрено по вновь открывшимся обстоятельствам. В решении ВК ВС нет ни слова о том, что эти документы Крюковым были в суде предъявлены.

Нет сомнения, что и по остальным фигурантам «трофейного дела» решения о «реабилитации» были составлены подобным, абсолютно абсурдным и незаконным способом. Ведь все ранее осужденные решением суда были освобождены в течение двух-трех недель с момента постановления ЦК. Провести полноценное следствие и полноценно, законно пересмотреть уголовные дела за такой срок невоз-

можно. Именно поэтому ВК ВС, по сути, занялась фальсификацией, грубейшим образом нарушила советский закон, бездоказательно оправдав законно осужденных ранее преступников.

Напоследок следует сказать, что хоть Серов и Жуков по данному делу не арестовывались, их связь с арестованными и осужденными лежит на поверхности. Жуков и Серов были в дружеских отношениях. Жуков возглавлял Советскую военную администрацию в Германии. Серов в оккупированной Германии был вторым лицом после Жукова. Преступления совершали их непосредственные подчиненные. В лучшем случае, с их стороны имело место попустительство, преступная халатность. В худшем — содействие. Касательно преступной роли Серова, есть, как минимум, показания Сиднева. Касательно Жукова таких показаний обнаружить не удалось. Но о его политическом лице вполне можно было судить по объему припрятанного барахла и проявлениям чванства.

И Жуков и Серов поддержали Хрущева в деле устранения Берии. И первым делом после ареста Берии постановлением ЦК незаконно освобождаются все осужденные по «трофейному делу». Освобождаются не по амнистии, не по ходатайствам о помиловании, а именно «реабилитируются», то есть признаются невиновными. Выводы здесь напрашиваются сами собой.

Сентябрь – октябрь 2024

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

ИСТОРИЯ

Брежневский «застой» — это антисоветский миф

Евгений ИВАНОВ

Судя по сегодняшним социологическим опросам, именно этого человека наши люди считают одним из лучших правителей СССР. Оно и не удивительно! Разного рода антисоветчики могут сколько угодно писать и рассуждать о «брежневском застое» или о коррупции тех времён, однако абсолютное большинство советских граждан помнят совсем иную жизнь – жизнь, которая отвечала практически всем понятиям социальной справедливости.

Об этом свидетельствуют и многочисленные статистические данные. О таком «негативе» в нашей экономике и в нашей жизни, которые наблюдались при Брежневе, нынешней российской власти приходится только мечтать!

«Застойный» подъём

Во времена того самого «застоя» Советский Союз занимал первое место в Европе и второе место в мире по объёмам промышленного производства и сельского хозяйства, уступая лишь США.

Только одна союзная республика – РСФСР – из года в год наращивала сбор зерна такими темпами, что в 1978 году был собран рекордный за всю нашу историю урожай – 127,4 миллиона тонн зерновых. Нынешняя Россия еле-еле укладывается в 80 миллионов. То есть мы сегодня скатились на уровень 60-х годов прошлого столетия, во времена правления Хрущёва.

Что же касается промышленности... Именно во времена Леонида Ильича была построена вся современная нефтяная инфраструктура и основано то, что мы сейчас называем Газпромом. Это при Брежневе был построен газопровод в Европу Уренгой – Помары – Ужгород и завершено строительство первого участка БАМа. Это при нём были в основном газифицированы наши города и сёла. Это при Брежневе начала работать атомная энергетика, и были запущены такие энергогиганты, как Саяно-Шушенская ГЭС, Усть-Илимская ГЭС, которые до сих пор снабжают электричеством половину страны.

Тогда же страна получила и мощный толчок в автомобилестроении – были построены заводы АвтоВАЗ, КамАЗ и др. Причём их продукция была ориентирована не только на внутренний рынок, но и на внешний. И вообще, в те «застойные времена» мы поставляли за границу не только нефть или газ, составлявшие не более 16% всех внешних доходов, но ещё и качественные трактора, поезда, корабли, самолёты, вертолёты.

Я уже не говорю о продукции нашего военно-промышленного комплекса, который тогда был одним из лучших в мире! Как утверждают специа-

листы, мы до сих пор пользуемся теми военными наработками, которые были созданы именно в «застойные» брежневские времена. Космические полёты в то время стали обыденностью, причём все они, как правило, проходили с международными экипажами.

Понятно, что такой прорыв был бы невозможен без соответствующих научных кадров. И эти кадры государство старательно выращивало. Создавались не просто новые научные институты, но и целые поселения, вроде Новосибирского академгородка, где трудились тысячи советских учёных и конструкторов. Не удивительно, что наша фундаментальная наука, наше образование считались самыми передовыми в мире (а сейчас мы одно несчастное Сколково запустить не можем).

Всего рост национальной экономики с 1965-го по 1982 годы составил 250%! А общая доля советской стороны в мировом хозяйстве составила порядка 20%, что значительно выше доли нынешнего Китая, выходящего сегодня на передовые промышленные рубежи.

И кто-то смеет называть это «застоем»?!

УВЕРЕННОСТЬ В ЗАВТРАШНЕМ ДНЕ

О социальной защищённости населения, о защите детства и материнства, о качестве медицинского обслуживания в Советском Союзе можно писать целые книги. Это при Брежневе страна перешла на пятидневную рабочую неделю, и на пять лет был снижен пенсионный возраст. 1 января, 8 марта и 9 мая стали выходными днями. Прославившимся в годы Великой Отечественной войны городам было присвоено звание городов-героев. Ветераны войны получили государственные льготы при получении квартир, в оплате ЖКХ, в телефонной связи и в пенсионном начислении. Но страна помогла не одним только ветеранам.

Средняя заработная плата в 70-е годы составляла 120–170 рублей в месяц (у военных, учёных и квалифицированных рабочих – более 200 рублей). При этом стоимость обеда в столовой была не больше рубля, а для студентов – порядка 40 копеек (это при стипендии в 40 рублей). Проезд в автобусе стоил 6 копеек (в южных регионах – 5 копеек), в троллейбусе и трамвае – 3 копейки. Бензин марки А-93 стоил 10 коп. за литр. А теперь обратите внимание на цены в продуктовых магазинах: хлеб – от 14 до 22 копеек, картошка – 7–10 копеек за килограмм, столько же примерно стоили свёкла и морковь, десяток яиц – 80–90 копеек, килограмм саха-

ра – от 77 до 98 копеек и т.д.

При этом цены на продукты питания не менялись целыми десятилетиями, так как государство постоянно дотирировало из бюджета товары первой необходимости. Всё это позволяло советским продуктам, как отмечали западные экономисты, быть качественными и одновременно очень дешёвыми, что само по себе положительно сказывалось на уровне жизни населения. Такая стабильность позволяла людям ощущать уверенность в завтрашнем дне и планировать свою жизнь и все свои расходы на годы вперёд. Не случайно, видимо, в то время практически в каждой советской семье было по двое–трое детей. Материнского капитала тогда не было, но при этом все кружки, студии и секции были бесплатными. Точно так же бесплатно можно было получить среднее специальное и высшее образование.

К этому стоит прибавить и просто невиданные для нынешнего времени темпы ввода нового жилья. За три брежневские пятилетки новое жильё получили 162 миллион человек, то есть большая часть населения Советского Союза! При этом на две трети была обновлена вся коммунальная инфраструктура городов и посёлков (сравните с нынешним положением дел в «коммуналке», где степень изношенности составляет, по разным оценкам, от 60 до 80%). Стоимость коммунальных услуг не превышала 3% от дохода средней советской семьи (остальные расходы брало на себя государство).

То есть, средняя заработная плата позволяла подавляющему большинству людей не просто существовать, но и нормально жить, откладывать деньги на своё будущее и будущее своих детей. При этом реальные доходы на душу населения выросли за это время более чем в два раза...

Наиболее ярким показателем в этом плане может служить рост численности населения страны. При Брежневе оно увеличилось на 42 миллионов человек (сравните с сегодняшней демографической ситуацией).

Согласитесь, вряд ли на «стадии социального упадка и застоя» люди стали бы рожать столько детей.

А ведь Брежнев проработал на должности Генерального секретаря 18 лет – столько же, как и Лужков мэром Москвы...

НЕ ДАДИМ ОЧЕРНИТЬ ИСТОРИЮ СССР. ДА, ПРАВЯЩАЯ ПАРТИЯ ТОГДА УЖЕ НЕ ЯВЛЯЛАСЬ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ, ОДНАКО БРЕЖНЕВСКИЙ «ЗАСТОЙ» — ЭТО АНТИСОВЕТСКИЙ МИФ

Сентябрь 2024

Редакция журнала «Прорыв»:

Подгузов В.А.,
(главный редактор)

Петрова О.Б.,

Редин А.,
(заместители
главного редактора)

Лбов А.В.,

Федотов Н.,

Иванов А.,

Неверов К.,

Назаренко Д.

Кандидаты

в состав

редакции:

Грано И.,

Боровых А.,

Вахитов Х.,

Киевский К.,

Сафронов Г.,

Бронислав,

Дубов Я.

Наши контакты:

Почтовый адрес:

109378, г. Москва, улица Федора
Полетаева, дом 15, корпус 1,
квартира 79, Петровой О.Б.

Электронные адреса:

petrova@proriv.ru,
kohet@list.ru

Телефон:

+7 (495) 378-37-59 Петрова О. Б.

+7 (903) 201-65-98

*Редакция работает на общественных
началах. Рукописи редакцией
не рецензируются, не редактируются,
не корректируются и не возвращаются.*

Посетите наш сайт
в Интернете
www.proriv.ru.

Там вы найдете статьи наших авторов в рубриках: экономика, политика, философия, этика, история, военные вопросы, рецензии и критика, политическая публицистика, юмор, а также большую подборку коммунистической музыки, коллекцию ссылок на марксистские издания и библиотеки, листовки по актуальным вопросам, исторические документы и исследования.

На наш журнал можно подписаться. Для этого нужно написать в редакцию письмо или связаться с ней по телефону, и с этого времени Вы будете получать наши журналы по почте или лично. Цена одного экземпляра журнала с учетом почтовых расходов **60** рублей.

Зарегистрирован Центральным территориальным управлением Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовой информации. Свидетельство о регистрации
ПИ №1-00915 от 20 декабря 2002 г.

Цена свободная. Тираж 800.
Объем 56 стр. формата А4.
Подписано в печать 03.11.24.
Дата выхода в свет 07.11.24.

Адрес редакции: 109378 г. Москва, улица Федора Полетаева, дом 15, корпус 1, квартира 79.

Адрес издателя и типографии: 109378 г. Москва, улица Федора Полетаева, дом 15, корпус 1, квартира 79.